Черная башня

Автор:
Наталья Павлищева

Черная башня

Наталья Павловна Павлищева

• Наталья Павлищева – признанный мастер исторических детективов, совокупный тираж которых перевалил за миллион экземпляров.

• Впервые автор посвятила целую книжную серию легендарному клану Медичи – сильнейшей и богатейшей семье Средневековья, выходцы из которой в разное время становились королевами Франции, римскими папами.

• Захватывающие дворцовые игры и интриги дают представление об универсальной модели восхождения человека к Власти, которая не устарела и не утратила актуальности и в наши дни.

Из этого подвала под Черной башней не выбраться. Могучие сырые стены пропитаны человеческими страданиями и холодом смерти. Обвинение, предъявленное Козимо Медичи могущественным Кардиналом, слишком серьезно, чтобы надеяться на благополучный исход. Надежды нет. Козимо ожидают невыносимые пытки и позорная казнь.

Но жена Козимо – очаровательная Контессина – так не считает. Природа одарила ее чудесной способностью играть множеством фигур одновременно.

Что ж она задумала? Зачем ей понадобились любовные письма, которые ее мама так бережно хранит в секретной шкатулке?

Наталья Павлищева

Черная башня

© Павлищева Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава I

Во флорентийском доме Медичи, что неподалеку от церкви Сан-Лоренцо, очередной переполох – хозяйка донна Пиккарда родила четвертого сына.

Двум другим сыновьям надоело крутиться среди родственниц и приживалок, получая тычки из-за того, что путаются под ногами, и Антонио предложил:

– Отец собирается опустить в ящик черную фасолину. Пойдем посмотрим.

– Ага… – Козимо с удовольствием присоединился к старшему брату. Он за Антонио вообще в огонь и в воду. – А почему отец должен опустить фасолину в ящик?

– Потому что у него родился сын. – Антонио подросток солидный, как-никак почти десять лет, это вам не шестилетний почемучка Козимо.

– А почему она черная?

– Потому что сын, была бы девчонка – положил белую.

– А зачем нужно класть фасолину в ящик?

– Так ведут подсчет родившимся во Флоренции. – Предвидя следующее «почему», Антонио сразу пояснил: – Нужно знать, сколько людей живет в городе.

Но Козимо все равно нашел чем поинтересоваться:

– А девчонкой родиться плохо?

Старший брат фыркнул:

– А то! Девчонкам все нельзя, их дело только выходить замуж и детей рожать!

– Как наша мама?

– Наверное… Они не могут стать рыцарями.

В глазах Антонио это было равносильно признанию полной никчемности человека. Козимо на мгновение даже пожалел девчонок. Конечно, что это за жизнь – не иметь права стать рыцарем!

– А ты будешь рыцарем?

– Обязательно! Гуччо сказал, что у меня уже хорошо получается упражнение с мечом. – Антонио горделиво выпятил грудь.

Как же Козимо завидовал старшему брату! Ему самому меч в руки пока не давали, даже тупой учебный…

– Я тоже рыцарем стану, когда вырасту.

– Ха! Ты будешь, как отец, банкиром. Или священником. Вторые сыновья всегда так – становятся священниками.

Вторыми по рождению после Антонио у Джованни ди Биччи де Медичи были двойняшки Козимо и Дамиано, но брат-близнец давно умер. Козимо тогда едва исполнился год, он этого и не помнил, а самого старшего Антонио обожествлял…

Козимо проводил глазами спешившего куда-то священника церкви Сан-Лоренцо и вздохнул:

– Уж лучше банкиром. В сутане ходить неудобно. А может, отец разрешит и мне стать рыцарем? А этот брат, – он кивнул на дом, где суетились, поздравляя Джованни де Медичи с рождением еще одного сына, – пусть будет священником.

Договорить им не удалось, из дома вышел сам Джованни, махнул рукой сыновьям, приглашая следовать за собой, и зашагал в сторону Старого рынка. К нему присоединился один из служащих, на ходу что-то спрашивая.

Джованни ди Аверардо де Медичи, которого обычно называли ди Биччи, несколько лет руководил филиалом банка своего родственника Вьери в Риме, а в последние годы стал собственником этого филиала. Теперь в его руках оказалось почти все семейное дело.

Дела вынуждали тридцатипятилетнего Джованни ди Биччи жить в Риме, но он уже поговаривал о возвращении во Флоренцию и открытии здесь головной конторы своего собственного банка. Это заставляло тайно вздыхать его супругу Пиккарду Буэри. Она так привыкла сама распоряжаться всем в доме и тратить деньги пусть экономно, но не отдавая отчета за каждый флорин, что не представляла, как будет жить под постоянным присмотром мужа. Джованни ди Биччи известен своей бережливостью, он не скуп, но прижимист и терпеть не мог роскошь. Это тем более странно, что Медичи сумел разбогатеть. Десять лет назад приданое жены в полторы тысячи флоринов было для него даром небес, а сейчас Джованни готов вложить более восьми тысяч для открытия своего банка. И это притом что на содержание семьи со слугами и большим домом вполне достаточно двух сотен флоринов на год!

Конечно, на банк нужно бы еще несколько тысяч, но за этим дело не станет – Медичи уже заручился предварительным согласием Бенедетто де Барди, представителя одной из самых богатых семей Флоренции. Финансовые бури, бунты местной бедноты и Черная смерть основательно потрепали это семейство, но на плаву Барди все равно остались, а аристократическое происхождение позволяло им занимать ведущее положение во Флоренции.

Все эти отцовские дела и замыслы ничуть не волновали его сыновей, Антонио и Козимо были слишком юны, чтобы думать о состоянии финансов и блестящих планах своего скромного отца. Скромным Джованни де Медичи был только внешне, его планы таковыми назвать сложно, он мечтал стать банкиром самого папы римского, но об этом пока никто не подозревал…

Сыновья банкира мечтали о другом, они страстно желали совершать рыцарские подвиги, не в честь Прекрасной Дамы (рановато), а просто ради самих подвигов. Вернее, мечтал старший, Антонио, а Козимо во всем поддерживал брата. И он действительно был безмерно любопытен…

Мальчики пробирались следом за отцом, лавируя между людьми и повозками на неширокой улице. Можно было не задумываться, куда идешь, и без того ясно, что толпа тянется на рынок.

Козимо любил Старый рынок, там всегда есть на что поглазеть.

Флоренция славилась торговлей, особенно тканями и одеждой из них. Пиккарда де Медичи не раз говорила, что таких расцветок нет нигде, потому состоятельные модники съезжаются с разных сторон, чтобы приобрести отрез и даже заказать здесь же наряд опытному портному.

А еще на Старом рынке торговали рыбой, выловленной в Арно, мясом, разными сырами, винами, скотом, овощами и фруктами. Овощи и фрукты – это для бедняков, во Флоренции живет достаточное количество богатых людей, чтобы самая бойкая торговля шла мясом. Кроме тканей, разумеется. Ну еще рыбой, но Козимо не любил всех этих водоплавающих, что бы ни говорили, а утка пахнет тиной и лягушками.

Хвалить свой товар запрещалось, и находчивые продавцы занимались тем, что откровенно ругали товар конкурентов или заманивали покупателей самыми немыслимыми способами. «Эта приправа опасна, из-за нее старый муж умрет от обжорства, сделав вас богатой вдовой!», «Самые надоедливые башмаки, которые не сумеют сносить после вас даже ваши внуки!», «Слишком толстая овца, чтобы пролезть в двери овчарни!»…

Вечная толчея, крики, смех, перепалки, поросячий визг и блеянье овец, голоса зазывал, скрип телег, и вдруг… Звук трубы заставил зевак и многих покупателей броситься к выходу на вила дель Корсо следом за стражей, тащившей на цепи приговоренного к смерти преступника. Никому не жаль этого оборванного, избитого человека, тех, кого осудили, не принято жалеть.

Козимо очень хотелось спросить, в чем же преступник виновен, но он не рискнул. Задавать неосторожные вопросы на рынке не стоит, лучше поинтересоваться дома.

Джованни де Медичи уже опустил фасолину, принял несколько поздравлений с рождением четвертого сына и развернулся, чтобы отправиться обратно, когда внимание его сыновей привлек странствующий рыцарь.

– Смотри…

Рыцаря в человеке выдавал только шлем, который тот держал под мышкой. Латы, если и были, скрыты под плащом, никаких латных рукавиц и блестящих шпор… Да и плюмаж на шлеме основательно потрепан и неопределенного цвета, а лошадь, которую он вел под уздцы, была тоща и прихрамывала.

Это… рыцарь?

Антонио фыркнул:

– Наверное, неудачник. Не то что наш предок Аверардо, тот даже великана сумел победить. Я буду как рыцарь Аверардо!

– Я тоже, – немедленно поддержал старшего брата Козимо.

Он не раз слышал от Антонио рассказ об их предке – рыцаре короля Карла Великого по имени Аверардо, который сумел победить великана, а вмятины на щите от ударов огромной палицы великана превратились в горошины на гербе Медичи. Правда, завистники твердили, что это шарики лекарств, но на то они и завистники, чтобы болтать разные глупости. Предком стоило гордиться, что братья и делали.

Рыцари собирались в очередной крестовый поход, на сей раз не освобождать Гроб Господен, а в помощь венгерскому королю. Крестоносцев вели французский король и бургундский герцог. К ним присоединялись все, кто только пожелал встать под знамена с крестом.

Все это было совершенно непонятно маленькому Козимо, он знал одно: доблестные рыцари собираются доблестно же воевать против страшных турок. А что этот такой потрепанный… наверное, и впрямь неудачник. Нет, надо брать пример с их предка Аверардо. И почему отец назвал его Козимо, а не Аверардо? Может, попросить сменить имя? Их деда вон тоже именовали Аверардо. И дядя Франческо своего сына так же назвал.

Мальчик так задумался, что не сразу услышал призыв старшего брата:

– Пойдем завтра смотреть на казнь?

Козимо в ответ со вздохом помотал головой:

– Нет, я не люблю.

Пройдет время, и он перестанет бояться крови и будет спокойно смотреть на казни. А пока шестилетний Козимо ди Джованни де Медичи спрашивал и спрашивал, удовлетворяя свое любопытство. В мире столько всего интересного!..

Джованни де Медичи через два года открыл контору банка во Флоренции, внеся больше половины начальной суммы сам, остальное добавили партнеры. Для человека, который два десятка лет назад почитал за счастье проживание в доме своего дяди-банкира и работу на него, это был огромный успех. Медичи разбогател благодаря своей ловкости и осмотрительности, говорили, что он нюхом чувствует, кому можно давать кредит, а кому не стоит. Джованни никому не раскрывал своих секретов, этот «нюх» назывался просто – «агенты». Выгодней заплатить людям, которые разузнают все обо всех, чем дать кредит тому, у кого только видимость богатства.

1 октября 1397 года считается днем рождения великого банка Медичи, который в бурное время перемен во всем просуществовал столетие и кредитовал очень многих влиятельных людей мира сего. Но куда больше Медичи прославились как крестные отцы Возрождения. Конечно, мир проснулся бы и без их помощи, но произошло бы это куда позже.

Именно Козимо де Медичи было суждено стать первым и главным меценатом Возрождения. Он, его отец Джованни де Медичи и его внук Лоренцо, прозванный современниками Великолепным, не просто содержали художников, ученых, писателей, философов Раннего Возрождения, но бережно отбирали таковых, безошибочно определяя, что нужно помогать Брунеллески и Донателло, Боттичелли и Леонардо да Винчи, Микеланджело, Галилею, Макиавелли и многим-многим другим.

Чтобы суметь безошибочно выделить гениев, нужно самому опережать свое время. Медичи опережали…

Судьба подарила Джованни де Медичи четырех сыновей, но двух старших отняла – одного давно, старшего только что… Смерть была частой гостьей во многих семьях, независимо от положения и достатка. Второй из сыновей Медичи умер совсем маленьким, а обожаемый Козимо Антонио не дожил до двенадцати.

Глядя на небольшую плиту, обозначавшую могилу старшего брата, Козимо тихо посетовал:

– Антонио так хотел стать рыцарем…

Джованни с изумлением посмотрел на сына:

– Рыцарем?

– Да, отец. Антонио мечтал стать таким же рыцарем, как наш прославленный предок Аверардо! И я тоже хочу.

– Козимо, в нашем роду был не только рыцарь Аверардо, что, скорее всего, выдумка, но и мой двоюродный дядя Джованни де Медичи. Ему тоже захотелось

стать великим полководцем.

Вот это да! Оказывается, Антонио знал не все об их предках. Не только Аверардо, победивший великана, но и двоюродный дедушка добывал себе славу мечом!

Глаза мальчика загорелись, он дрогнувшим голосом поинтересовался:

– Стал?!

– Почти. Полководцем стал, а вот великим нет. Втянул Флоренцию в ненужную войну, был разбит и казнен гражданами.

– Разве можно рыцаря казнить? – растерялся Козимо.

Джованни вдруг отчетливо осознал, что, занимаясь своими банковскими делами, упустил воспитание сына. Наставник мальчика твердил, что тот умен, сообразителен, отличается великолепной памятью, усидчив и доброжелателен. Чего еще желать от того, кто не должен стать наследником семейного дела? Вполне достаточно, чтобы сделать хорошую карьеру священника…

Но теперь у Джованни ди Медичи остались двое сыновей – Козимо, которому девять, и самый младший трехлетний Лоренцо. Об их будущем думать рановато, но кое-что объяснить сыну стоило уже сейчас.

– Козимо, ты хочешь стать рыцарем?

– Да.

– Но времена рыцарей прошли. Уже нет драконов, великанов, принцесс в высоких замках, а в крестовые походы ходят только ради добычи. И славу сейчас можно добыть совсем иначе.

– Как?

Как объяснить девятилетнему восторженному мальчику, что ныне деньги имеют куда большую силу, чем даже меч, что мечи покупают вместе с их владельцами

за золото, все покупается и продается, главное – не продаваться самому и, покупая, не переступить невидимую границу порядочности.

Мальчику, мечтающему о победах над великанами, трудно это понять и принять, но Джованни попробовал растолковать.

Год назад он открыл свой банк. Не римский филиал банка родственника, а свой собственный здесь – во Флоренции. Конечно, ему далеко до размаха главных конкурентов в банковской столице Европы, но всему свое время.

Джованни пока не задумывался над тем, кто займет когда-нибудь его место, тридцативосьмилетнему человеку рано об этом размышлять, но теперь вдруг понял, что образованием Козимо нужно заняться всерьез. Конечно, мечты о рыцарстве всего лишь детская фантазия, но чем раньше мальчик выбросит эту дурь из головы, тем будет лучше.

Но, как водится, снова отвлекли дела, на некоторое время Джованни забыл о рыцарских планах сына.

После похорон Антонио Козимо остался один. Вокруг было много родных и заботливых людей – мать, младший брат, множество родственников, даже вечно отсутствовавший дома отец и тот вернулся и теперь постоянно находился во Флоренции. Но не было Антонио – единомышленника и даже наставника. С кем Козимо мог поговорить об Аверардо, о мечах, доспехах, подвигах, о прекрасном будущем, наконец?

Эта тоска мучила мальчика несколько дней, пока на Старом рынке он вдруг снова не увидел странствующего рыцаря. Таких было немало во Флоренции, где они задерживались на обратном пути из неудачного крестового похода. Два года назад силы крестоносцев оказались наголову разбиты османским султаном Баязидом, похоронив всякую надежду остатков рыцарства стать главной силой в Европе. Во власть вступали совсем иные силы, представителем которых был его отец Джованни де Медичи.

Но мальчик так далек от отцовских занятий…

И он решил… сбежать!

Да, бежать из родительского дома, разыскать рыцаря, которого видел на рынке, наняться к тому оруженосцем даже не за деньги, но за учебу, а потом…

Козимо достал скопленные деньги – они с Антонио уже три года откладывали мелочь, а потом обменяли ее на флорины, чтобы купить лошадь, упряжь и оружие. Мальчик понимал, что двух флоринов ни на что не хватит, но надеялся хотя бы заплатить рыцарю за свое содержание на первое время.

Все казалось так легко и просто – он научится владеть оружием, прекрасно держаться в седле, спасет какого-нибудь вельможу или бери выше – короля, его посвятят в рыцари… Вот тогда можно будет вернуться домой и скромно сообщить отцу и матери, что их сын не зря родился на свет.

При мысли о матери стало не по себе. Его отец Джованни де Медичи редко бывал дома, во Флоренции всем заправляла Пиккарда Буери, которую родные звали Нанниной. Сыновья привыкли, что все домашние проблемы решает мать, с ней нужно советоваться, у нее спрашивать разрешение.

А как же сейчас?

Козимо почувствовал сильнейший укор совести – мать всегда так внимательно относилась к его нуждам и желаниям, была добра и справедлива, хотя часто излишне строга. На строгость они с Антонио не обижались, а на любовь отвечали искренней привязанностью.

Уйти из дома, не попрощавшись с матерью? Конечно, это неправильно, несправедливо по отношению к ней. Но если он скажет, что уходит, то его никуда не отпустят… И все-таки Козимо решился – он просто попрощается, и все. Мать не выдаст, она всегда понимала, что для сыновей самое важное.

Мальчик собрал кое-что из вещей, связал тугой узелок, спрятал поглубже за пазуху тощий кошель с двумя флоринами и четками и присел, задумавшись.

На дворе вечер, еще немного, и все улягутся спать. Самое время для побега.

Решив покинуть родной дом тайно, Козимо не представлял, куда пойдет, как только выйдет за двери, где и как будет искать своего будущего покровителя и учителя – странствующего рыцаря, что станет делать, если не найдет его тотчас или даже завтра. Что будет, если рыцарь уже покинул Флоренцию или не пожелает взять оруженосцем щуплого невысокого мальчика?

Козимо не был столь глуп и наивен, чтобы не видеть предстоящие трудности, скорее он сознательно уходил от мыслей об этих трудностях, по-детски надеясь, что все как-то само собой решится. Но его намерение попрощаться с матерью вовсе не было вызвано трусостью или тайной надеждой, что мать остановит беглеца. Нет, мальчик действительно верил, что Наннина поймет его мечту и не станет препятствовать исполнению даже в таком нелепом варианте.

Убедившись, что для побега все подготовлено, Козимо еще раз оглядел комнату, которую они совсем недавно делили с Антонио и где мечтали о рыцарских подвигах, вздохнул и отправился к матери – нужно попрощаться, пока та не легла спать.

Все получилось немного не так, как Козимо ожидал.

Наннина ничем не выдала свои чувства, выслушав сына, она спокойно поинтересовалась:

– А с отцом проститься не желаешь?

Козимо замер. Как это – проститься с отцом? От кого же он тогда сбегает?

– Но я…

– Думаю, отец мог бы дать тебе несколько толковых советов на дорогу. Все считают его умным и практичным. Не стоит пренебрегать такими советами.

– Но он меня не отпустит! – в отчаянье воскликнул мальчик.

Мать согласилась:

– Конечно, нет. Но ты же решил сбежать, зачем тебе отцовское разрешение? Пойдем, попрощаешься и с ним.

Козимо топал следом за матерью, с тоской размышляя, что сейчас будет.

Джованни ди Биччи занимался какими-то счетами. Козимо это казалось таким скучным! Он умел складывать, вычитать и даже делить и умножать, и это занятие нравилось, но не с утра же до вечера!

– Джованни, отвлекись ненадолго.

Медичи поднял голову. От его внимательного взгляда Козимо стало совсем не по себе…

Наннина плотно прикрыла за собой дверь, знаком подозвала сына ближе к столу и заговорщически поведала мужу:

– Козимо зашел проститься с тобой. Он решил стать странствующим рыцарем и потому сбегает из дома. Ты не хочешь дать ему напутствие на дорогу?

Мать говорила совершенно серьезно, в ее голосе не слышалось и тени насмешки. Серьезно слушал и отец. Козимо даже растерялся. Он понимал, что что-то здесь не так, но никак не мог уловить, что именно. Нелепо – он сбегает, но при этом мать предлагает отцу дать беглецу совет на дорогу…

Джованни спокойно кивнул, отложил перо в сторону и подозвал сына к себе:

– Ты решил стать рыцарем?

Козимо кивнул. Даже в такой дурацкой ситуации он не собирался сдаваться.

Джованни встал, обошел стол, окинул взглядом щуплую фигурку девятилетнего мальчика и вздохнул:

– Но рыцарю нужен конь. А еще оружие, латы, плащ… много что… Всего этого у тебя нет.

– Я… я наймусь оруженосцем к какому-нибудь странствующему рыцарю.

– Оруженосцем? – Бровь Джованни недоуменно приподнялась. – Наверное, и это рановато. – Он чуть помолчал задумчиво, как делал, когда прикидывал выгоду или риск, и произнес: – Думаю, тебе стоит поступить вот как. И для рыцаря, и для оруженосца ты еще мал. Поживи пока дома, окрепни, поучись грамоте, заработай денег, а когда подрастешь, сбежишь еще раз. Может, к этому времени тебе удастся купить лошадь и даже доспехи.

Козимо с изумлением смотрел на отца. Джованни Медичи не возражает, чтобы сын сбежал и стал странствующим рыцарем? Явно что-то здесь не так…

– Но как же…

Он просто не знал, что возразить. Не дождавшись от девятилетнего сына вразумительного продолжения, Джованни утвердительно кивнул:

– Ну вот и договорились. Сейчас возвращайся к себе, а завтра утром придешь. Я посмотрю, что можно сделать, чтобы ты повзрослел поскорей. И как ты можешь заработать на доспехи и лошадь.

На следующий день, когда они вдвоем стояли у могилы Антонио, Джованни вздохнул:

– Антонио был будущим семьи…

– Теперь у семьи нет будущего, отец?! – невольно ахнул Козимо.

– Теперь будущим стал ты, мой мальчик.

– Что это значит? – Голос Козимо чуть дрогнул, отец никогда не говорил с ним так серьезно.

– Что тебе пора начинать учиться. Пока пойдешь в монастырскую школу, потом посмотрим.

Очень быстро оказалось, что Козимо опережает всех, включая самого монаха-учителя, в счете и ему куда больше нравится читать, а не считать. Чтобы мальчик не скучал, отец Мартин стал давать ему книги и усаживать в сторонке на то время, пока остальные пыхтели над счетами, перекладывая камешки. Медичи научился делать все это в уме, цепкий ум ребенка легко справлялся с цифрами и даже большими числами. Что-то подсказывало отцу Мартину, что у этого мальчика великое будущее.

Школа монастыря Санта-Мария дельи Анджели славилась своим гуманистическим направлением, монахи не заставляли учеников просто зубрить священные тексты, объясняя непонятное и делая для своих учеников даже изучение древнегреческого увлекательным занятием.

Немного погодя к брату присоединился Лоренцо. Он тоже умел считать, и ему тоже больше нравилось сидеть рядом с братом в сторонке от остальных над книгами, вот только Козимо больше увлекался текстами, а Лоренцо картинками. Младшему Медичи с трудом удавалось сдерживать восхищенные возгласы при виде рисунков-заставок на страницах. Чтобы побудить Лоренцо читать, учитель запретил Козимо пересказывать брату содержание, но тот легко довольствовался картинками.

Какие же они похожие и разные, эти сыновья Джованни де Медичи! Козимо на три года старше, но в учебе кажется, что на все десять. Он серьезный, вдумчивый и застенчивый. А в остальном Лоренцо давал фору старшему брату. Младший Медичи также схватывал все на лету, но в его ветреной голове ничто не задерживалось долго. Насколько спокоен Козимо, настолько беспокоен Лоренцо. Братья составляют прекрасную пару, дополняя друг друга. Жаль, что обычно между родственниками возникает ревнивое соперничество. Если таковое разобьет эту пару, то война пойдет не на жизнь, а на смерть. Пока они дружны, но надолго ли?

Оказалось, что на всю жизнь. Эта дружба не просто составила костяк клана Медичи, но помогла обоим проявить свои лучшие качества.

А еще отцу Мартину было жаль отпускать от себя таких учеников, но он прекрасно понимал, что время пришло, нельзя бесконечно держать их разглядывающими картинки в старинных книгах. Скоро монастырские книги будут изучены все, что тогда? Отец Мартин знал человека во Флоренции, у которого книг в десятки раз больше, но этот человек – известнейший гуманист, друг Колюччо Салютати и Хризолора, обучившего Флоренцию древнегреческому языку, Никколо Никколи учеников не берет, он предпочитает беседы с равными. Но отец Мартин знал друга Никколи гуманиста Роберто Росси, который раньше обучал юных флорентийцев. А еще он знал, что отцу Козимо Джованни ди Биччи де Медичи достаточно лишь намекнуть, чтобы тот все понял сам.

– Отец, позвольте спросить.

Джованни отложил в сторону перо и повернулся к сыну:

– Спрашивай.

– Я понимаю, когда у ростовщиков берут в долг владельцы мануфактур или купцы. Первым деньги нужны для развития их дела, вторым для закупки товаров. Но почему одалживают под немалые проценты и богатые купцы, и очень богатые синьоры, и кардиналы, и даже сам папа?

– Отвечаю по порядку. Во-первых, ростовщик и банкир не одно и то же, похоже, но не совсем. Во-вторых, – Джованни подозвал Козимо ближе к столу и положил в трех местах по стопке монет, – допустим, это Флоренция, это Рим, а это Венеция. Везде у нас отделения банка. Раньше, если купцу было нужно привезти товар из Венеции на пять сотен флоринов, он спускался в свой подвал, открывал множество замков и дверей, доставал из тайника золото, прятал кошель за пазуху и отправлялся туда, дрожа по пути от страха быть ограбленным. На монетах не написано, кому они принадлежат, будучи ограбленным, человек мог всего лишь пожаловаться без надежды вернуть свое.

– Но можно нанять хорошую охрану.

– Которая стоит так дорого, что будет утерян смысл самой торговли.

– А сейчас?

– Сейчас он не станет везти золото из Флоренции в Венецию, а принесет это золото мне. Взамен получит вексель моего банка, который предъявит там, чтобы ему выдали нужную сумму.

– Значит, в Венецию деньги повезете с опасностью для своей жизни вы?

– Нет, потому что в мой банк несут свои золотые флорины и другие деньги не только во Флоренции и не только купцы. В Венеции тоже немало тех, кто предпочитает иметь за пазухой вексель на определенное имя, гарантирующий, что деньги не отдадут никому другому, чем тащить само золото. Также и богатые синьоры, и кардиналы, и даже сам папа.

– А если у вас нет такой большой суммы, например, в Венеции, чтобы выдать синьору по его требованию?

– Я договариваюсь с банком, у которого, как и у меня, есть отделение там. Я отдаю деньги здесь, а он в Венеции.

– Но в чем же выгода?

Джованни де Медичи с трудом сдержал довольную улыбку, сына начала интересовать прибыль, это очень хорошо. Козимо – талантливый мальчик, и при должном обучении из него получится прекрасный банкир, даже лучший, чем сам Джованни.

– Мы за все получаем свои деньги, за все. Конечно, за кредиты больше, но за векселя тоже получаем. Но это куда выгодней для клиентов, чем оплачивать услуги хорошей охраны.

– Кто это все придумал?

– Не я, мой мальчик, не я. Но я научу тебя, как обращать удобство клиентов в свою выгоду.

Так началась учеба Козимо банкирскому делу. До тех пор отец лишь учил его считать, теперь же стал объяснять принципы получения выгоды.

Козимо с изумлением понял, что его неприметный внешне отец знает все обо всех – у кого какой доход и какое наследство, сколько слуг, какая выручка, какие планы… Причем не только во Флоренции. Достаточно произнести заметное имя в Риме или той же Венеции, как синьор Медичи по памяти называл владения обладателя этого имени, оценивал состояние его дел и перспективы банкротства или, наоборот, возвышения.

– Труднее всего знать наверняка о папском окружении, там возможно возвышение или падение безо всяких на то оснований, но там же возможен и самый большой доход.

На вопрос сына, откуда ему все известно, Джованни де Медичи усмехнулся:

– Агентура, Козимо. Лучше постоянно платить ловким людям, которые будут знать все о тех, за кем поручено наблюдать, чем дать кредит и потерять на неспособности заемщика вернуть долг. Я не даю в долг, если не уверен, что его вернут. И не даю крупные суммы. Пусть лучше думают, что у меня их нет, чем возьмут и не вернут.

Да, Джованни говорил правду – Медичи никогда не заглатывали кусок больший, чем могли проглотить. Зато им не приходилось давиться комом в горле. Это Джованни внушал сыновьям сызмальства.

Правда, наступит момент, когда он сам вынужден будет рискнуть, как считают все, очень крупной суммой. И только его разумный старший сын Козимо будет знать, что никакого риска нет, это лишь видимость.

Но до знакомства с человеком, ради которого Джованни де Медичи сделал вид, что рискует, у Козимо оставалось еще немало времени. Этого человека звали Бальтазар Косса, в истории папства он известен как антипапа Иоанн XXIII, а многим современникам – как удачливый пират и ужасный растлитель женской части Италии.

С утра отец неожиданно объявил:

– Козимо, сегодня ты не пойдешь в школу. Ты нужен мне по очень важному делу.

Джованни сообщил новость почти торжественно, что позволило Лоренцо немедленно сунуть любопытный нос:

– А что за дело?

Отец не рассердился, а со смехом поинтересовался у младшего сына:

– Я хоть слово сказал о тебе? Ты пойдешь в школу, как положено.

Лоренцо не обиделся, но ухитрился шепнуть старшему брату:

– Наверное, тебя женят…

– Что?!

Подозрения Лоренцо подтвердил приказ отца надеть лучшую одежду.

– Я же тебе говорил, – насмешливо хмыкнул младший брат.

Козимо совсем пал духом. Да, конечно, во Флоренции бывали случаи, когда тринадцатилетних юношей женили даже на взрослых девушках или вдовах, но неужели отец столь безжалостен?! Несчастный подросток посмотрел на мать, уж она-то должна знать о замыслах отца? Наннина Медичи выглядела вполне довольной жизнью и была безмятежна.

Когда Козимо вышел к отцу, переодевшись, тот критически оглядел наследника, чуть поморщился, но махнул рукой:

– Хорошо. Пойдем.

– А куда?

– К нотариусу мессиру Нофри.

Сердце несчастного подростка упало окончательно. Зачем люди ходят к нотариусам? Заверять разные сделки, но в его возрасте сделка возможна только одна – обручение. С кем?! Почему молчит мать?

У нотариуса их ждал Микеле Бальдо, суконщик, чью дочь, рослую толстую Джованну, Козимо видел не раз. Неужели она невеста?! Но самой Джованны не видно, хотя ее присутствие необязательно.

Козимо удалось взять себя в руки и не сбежать. Но он едва не пропустил главное – отец представил его Микеле Бальдо как… партнера! Бальдо хохотнул:

– Сработаемся!

Это было немыслимо, невиданно, неслыханно – Джованни де Медичи внес три тысячи флоринов против тысячи Бальдо на покупку суконной мануфактуры в пользу своего тринадцатилетнего сына Козимо!

– Отец, но я ничего не смыслю в суконном деле… я никогда не думал становиться суконщиком…

Козимо возбужденно шептал это отцу, стараясь, чтобы не услышали остальные. Неужели Джованни де Медичи внял заверениям старшего сына, что банковское дело не для него, что он хотел бы заняться чем-то иным? Но не производством сукна же?! Это даже ужасней женитьбы на конопатой Джованне Бальдо!

Джованни де Медичи рассмеялся:

– Никто не заставляет тебя вставать к чану с краской или раскатывать сукно для нанесения рисунка, но как производят ткань и чем приносит доход мастерская, ты знать должен. Управлять всем будет синьор Бальдо, но ты владелец трех четвертей мануфактуры, и будь добр находить время заниматься своим владением.

Потом они подписывали договор у нотариуса, и взрослые мужчины с легкой усмешкой поздравляли юного совладельца мануфактуры:

– Теперь ты будешь членом Калималы – гильдии суконщиков.

Когда отец и сын Медичи вышли из дома нотариуса, чтобы отправиться на саму мануфактуру, Козимо почти с отчаяньем поинтересовался:

– Отец, но зачем мне становиться суконщиком?! Вы же хотели, чтобы я был банкиром.

– А ты хочешь быть банкиром?

– Лучше уж им, чем…

– Козимо, повторяю, никто не заставляет тебя самого заниматься производством сукна, просто нельзя складывать все яйца в одну корзину. Теперь у тебя есть мануфактура, которая будет давать прибыль, а прибыль еще никому не мешала. Когда Лоренцо исполнится тринадцать, я сделаю нечто подобное и для него. Теперь ты взрослый, должен быть серьезным и ответственным.

Услышавший последние слова Микеле Бальдо усмехнулся: куда уж серьезней! Старший сын синьора Медичи и без того выглядит взрослей своих лет. Он щуплый и невысокий, как отец, а глаза умные-умные… Эх, такого мужа бы Джованне… Но Микеле Бальдо так высоко не замахивался, понимая, что банкир Медичи, уверенно шагающий вверх к богатству, выберет другую невесту для своего наследника. Каждому свое.

Серьезный и ответственный тринадцатилетний совладелец мануфактуры Козимо де Медичи до самого вечера постигал секреты производства сукна в своей новой мастерской. Джованни де Медичи не стал вникать в разные тонкости, поручив сына его партнеру Микеле Бальдо, который с удовольствием объяснял подростку суть производства. Это оказалось интересно! Немного погодя Козимо забыл о своем нежелании заниматься суконным производством, во всяком случае, он постарался хорошенько разобраться в разных хитростях и запомнить названия красок…

Когда Козимо наконец отправился домой, его одежда мало напоминала парадную, столько пыли на нее попало, в носу свербело от ворса и едких

запахов, в ушах грохотало и скрежетало, а перед глазами плыли полотнища разных цветов.

Ночью Козимо снились чаны с краской, развешенные на стойках полотнища тканей и он сам, пытающийся наносить рисунок. Но едва трафарет в его руке касался поверхности ткани, как на месте прикосновения расплывалось огромное грязное пятно. Козимо проснулся в ужасе и с самого утра попросил разрешения отправиться на фабрику вместо школы.

Отец с изумлением вскинул на него глаза:

– Ты все же решил стать ремесленником?

Пришлось признаться, что процесс нанесения рисунка трафаретом остался непонятным, это мучает и даже приснилось ночью.

– А то, чему сегодня будут учить в школе, я легко догоню, отец. – И поспешил добавить, чтобы отец не счел сказанное бахвальством: – Отец Микеле намеревался читать главы «Божественной комедии», но те, которые я знаю на память.

Джованни кивнул:

– Хорошо, но не злоупотребляй этим.

У Козимо получилось, оказалось, что полотнище просто должно быть сильно натянуто, краска достаточно густой, а само прикосновение трафарета недолгим. Но главное – ткань должна быть достаточно влажной, но ни в коем случае не мокрой. Именно из-за влажности и плохого натяжения и расплывались пятна у неумех. Это портило весь кусок, поскольку хорошая краска потом из ткани не вымывалась.

Нет, Козимо не собирался становиться суконщиком или ткачом, он всего лишь разложил весь процесс по полочкам и… через неделю пришел к отцу с предложением, как его, нет, не улучшить, но сделать более доходным.

– Отец, не лучше ли вот здесь и здесь переместить? Не придется далеко носить отрезы, они смогут быстрее сохнуть, но главное, это позволит работать над куском сразу двум мастерам.

Джованни прекрасно понял, о чем говорит сын, в конце концов, он был не только главой гильдии менял и банкиров Флоренции, но и членом гильдии суконщиков и ткачей. Поразился толковости придумки Козимо и ее простоте, верно говорят, что все гениальное просто. А сам Козимо попытался добавить:

– А на освободившейся площади можно поставить еще стойки, чтобы сушка не задерживала выпуск ткани.

– Козимо, почему ты говоришь это мне?

– А… кому же?

Старательно пряча довольную улыбку, Джованни пожал плечами:

– Вы с Бальди совладельцы, вам и решать. Говори ему.

В тот же день Бальди рассказывал Джованни де Медичи о перестановках, предпринятых по совету его сына:

– И ведь как удачно получилось! И работать мастерам легче, и все пошло быстрей, и места столько освободилось!

Пока что-то меняли в мастерской, Козимо три дня не ходил в школу, а когда появился там снова, проблемы простого чтения и зубрежки показались столь мелкими… Жаль терять столько времени, наблюдая, как недотепа Санчо не может даже по слогам прочесть прекрасные строчки Данте о Флоренции! В какое-то мгновение он не выдержал и раздраженно по памяти произнес то, что Санчо с трудом разбирал по написанному.

Отец Микеле ничего не сказал, лишь внимательно посмотрел на подростка. Козимо вынужден извиниться за свое поведение, учитель прав, то, что Санчо глуп, не дает право самому Козимо на хамство. Но недовольство осталось. Нет, он не считал себя самым умным или способным среди учеников, просто жалко

терять время, просиживая рядом с тупицами, его можно бы использовать с толком.

Время – самый драгоценный дар, оно единственное, что невозможно вернуть! Это Козимо уже понял, несмотря на свои тринадцать лет.

На следующий день отец Микеле поговорил с мессиром Медичи, но не жалуясь на его старшего сына, а наоборот. И даже кое-что посоветовал. К счастью для Козимо, Флоренции и всей Европы, мессир Джованни де Медичи умел прислушиваться к умным советам и даже следовать им…

Это оказались не все перемены в жизни внезапно повзрослевшего Козимо.

Не успел подросток привыкнуть к своему новому статусу совладельца мануфактуры, как Джованни де Медичи объявил, что и школа-то Козимо ни к чему.

Насмешливо глядя на не рискнувшего переспрашивать подростка (сколько раз сам учил, что лицо банкира не должно отражать его мысли, а спрашивать нужно, только когда трижды подумаешь!), отец пояснил:

– Я договорился о твоей учебе у синьора Роберто де Росси.

Под внимательным взглядом отца Козимо сумел сдержать эмоции, отреагировал, как обычно, Лоренцо:

– Ух ты!

Всем известно, что Роберто Росси – друг и единомышленник одного из самых уважаемых людей Флоренции – бывшего канцлера Республики Колюччо Салютати. А тот, в свою очередь, был другом Петрарки! Учиться у того, кто дружен с Салютати, с Бруни, с оригиналом и эстетом Никколи, с самыми известными и уважаемыми интеллектуалами Флоренции!.. Возможно, это не самые богатые люди города, но уж самые образованные наверняка. Жаль, что знаменитый грек Хрисолор, который открыл для флорентинцев древнегреческий язык, вернулся в свой Константинополь… Он ведь тоже дружил с Салютати и

Росси.

У Козимо буквально голова пошла кругом, он едва не пропустил жесткое замечание отца:

– Это не отменяет твоих занятий мануфактурой. И еще будешь учиться у меня банковскому делу. Кое-что ты уже знаешь, пора двигаться дальше.

– Да, отец.

Донна Наннина посмела осторожно заметить:

– Не рановато ли? Когда ему успеть все сразу?

На что Джованни де Медичи фыркнул:

– Меньше будет бездельничать. Захочет учиться, все успеет. А не успеет, будет заниматься только банком и мануфактурой. Или вообще только мануфактурой.

– Я успею, отец.

Козимо был слишком взволнован, чтобы расслышать, как отец тихонько проворчал себе под нос:

– Не сомневаюсь.

Никто не знал о разговоре, состоявшемся у Джованни де Медичи с Роберто де Росси. Тем более не догадывался о размышлениях, побудивших банкира обратиться к философу. Медичи привык держать свои мысли при себе.

Роберто де Росси был немало удивлен просьбой банкира:

– Синьор Росси, моему сыну исполнилось тринадцать. Я хочу, чтобы вы взяли его в ученики.

Вот так просто: я хочу! Любому другому философ указал бы на дверь, но здесь почему-то не смог…

– Я не беру учеников, синьор Медичи.

– Я знаю.

Хотя Роберто де Росси сухощав и роста немного выше среднего, рядом со щуплым невысоким Медичи он казался почти большим. Но даже при этом и из своего не столь уж высокого положения (банкир среднего достатка) Джованни де Медичи умудрялся не выглядеть просителем. Он словно вежливо предлагал сделку, не заискивая и не напирая.

Но не манера говорить с достоинством привлекала Росси в этом человеке, удивительными были глаза Джованни де Медичи – большие, умные и какие-то цепкие. Медичи словно знал что-то, чего не знали остальные, и смущался своего знания.

Несколько смутился и Росси.

– Но ваш сын где-то учится?

– Да, в монастырской школе. Козимо прочитал там все книги, ему нужно, – Медичи на мгновение замолчал, словно подбирая слово, – двигаться дальше.

– Дальше? Я философ. Вы хотите, чтобы ваш сын стал философом?

– Нет, конечно. Я хочу, чтобы он продолжил мое дело, стал банкиром. – Бровь Роберто Росси в ответ на такую тираду изумленно приподнялась, он даже обрадовался, что нашелся повод отказать Медичи, но Джованни продолжил: – Но образованным банкиром, синьор Росси. После смерти отца я получил ничтожное наследство и всего одну книгу – Библию. Деньги нажил, а книги у меня сейчас… – Медичи усмехнулся, – целых три. Сын должен пойти дальше, уметь заработать и научиться не только считать, но и философствовать.

Необычно длинная речь нелегко далась Джованни де Медичи, даже лоб взмок, ведь он привык говорить о деньгах, доходах и расходах, а не о мотивах своих

поступков. Но философ не заметил трудностей собеседника, Росси был просто потрясен! Да, XV век, пусть самое его начало, не прежнее время, во Флоренции много образованных людей, недаром здесь творили Данте и Петрарка, стараниями канцлера Салютати и неугомонного Никколо Никколи в университете преподавал знаток древности Эммануил Хрисолор, но так ли часто банкир средней руки заявлял, что его сын-наследник должен быть не просто ловким ростовщиком, но и философом!

– Хорошо, приведите своего сына, я посмотрю.

– Вы не пожалеете, синьор Росси.

В ответ философ только хмыкнул.

Знать бы ему, что благодарные потомки имя его ученика будут упоминать чаще его собственного, а банкир Джованни де Медичи только что в немалой степени определил будущее Европы…

Это решение Медичи – отдать сына учиться у Роберто Росси, одного из виднейших гуманистов своего времени, – оказалось судьбоносным не для одного лишь Козимо, но и для всей Европы, как бы пафосно это ни звучало.

Именно Росси способствовал рождению Козимо-гуманиста, а уж вставший на ноги Козимо де Медичи способствовал Ренессансу во Флоренции. Гуманисты повлияли на Медичи, а Медичи на гуманистов. Конечно, Ренессанс был бы и без этого банкирского дома, но… не тогда… не там… и несколько иной.

Вечером у Джованни состоялся разговор с женой. Наннина не такая, как большинство других женщин, ей мало привычных домашних забот, донна Медичи не совала нос в банковские дела супруга, но требовала отчет, если дело касалось семьи.

В данном случае очень даже касалось, потому стоило улечься спать, как супруга строго поинтересовалась:

– Джованни, но почему Росси? Ты банкир, и твои сыновья тоже будут банкирами, к чему им наставления философа и латынь? Разве недостаточно того, что они прекрасно умеют считать и быстро соображают? Мы не аристократы, нам не нужен Данте.

Джованни вздохнул, немного помолчал, а потом заговорил. Тихо, как обычно, словно подбирая каждое слово, прежде чем произнести его.

– Наннина, мой отец умер, когда мне не было и трех лет. Я даже плохо помню его. А в наследство оставил столько, что не хватило на новый плащ. Если бы не Вьери, меня не было сейчас здесь.

Он на мгновение замолчал, что позволило супруге вставить слово:

– Не столько Вьери, сколько твой собственный ум.

– Если ум не к чему прикладывать, то можно умничать сколько угодно, все без толку. Я не желаю, чтобы мои сыновья проходили тяжелый путь, у них должно быть все, чего не было у меня – большое наследство и имя. Но самое большое наследство без толку, если не уметь его приумножать, значит, я должен научить их зарабатывать деньги и беречь. Тратить они научатся сами.

Воспользовавшись новой паузой в речи не привыкшего долго говорить Джованни, Наннина ехидно поинтересовалась:

– Для умения зарабатывать ты определил Козимо к Росси?

Она ожидала, что муж рассердится и даже приготовилась повернуться на другой бок к нему спиной, как делала в случае семейных ссор, но вопреки обычаю Джованни продолжил свои рассуждения:

– Мир изменился, Наннина, вернее, сильно меняется. Из нынешней Флоренции Данте ни за что не выгнали бы. И если мы не уловим это новое, с нами произойдет то, что случилось с Барди, Перуцци и прочими.

И снова строптивая супруга не сдержалась:

– Чтобы не разориться, банкиру нужно читать Данте или Петрарку?

– Да. И не только их. И не только читать. И не только банкиру. – Джованни снова вздохнул и поведал: – Я хочу, чтобы у моих сыновей был не один банк, нельзя рассчитывать лишь на него.

– А что еще, умение сочинять стихи или переписывать книги, как Никколи? Велик заработок.

Наннина не понимала мужа и поэтому была раздражена, сознавая, что разговор может закончиться ссорой. Но снова вопреки обычаю Джованни не фыркнул, а терпеливо объяснил:

– Нет, каждый получит еще по большому участку земли, возможно, по дому и по мастерской. Банк может разориться, а земля никуда не денется, и дом будет стоять, и мастерская работать. И знание латыни тоже не помешает.

Наннина рассмеялась:

– Ох и упрямый ты!

– Знаешь, Медичи никогда не были такими сплоченными, как Аччайуоли, Перуцци, Альбицци, да те же Барди… Напротив, мои предки топили друг друга в дерьме, вместо того чтобы вытаскивать. Я хочу иначе, хочу, чтобы мои потомки с каждым следующим поколением поднимались все выше. Чтобы каждый следующий оставлял наследство все большее. Разве ты против?

Муж никогда не разговаривал с Нанниной вот так – серьезно и доверительно. Обычно беседы касались домашних дел, распоряжений по хозяйству или денежных трат. Будущее сыновей виделось прочным, но каким именно, неясно.

Синьора Медичи вздохнула:

– Я не против. Но все равно не понимаю, зачем тебе нужен Росси.

– Не мне, мне поздно, – моим сыновьям. Пусть учатся латыни, а банковскому делу я их обучу сам.

Он не сумел объяснить, зачем же их сыновьям нужно столь серьезное образование в сфере, далекой от банковской деятельности, но Наннина почувствовала, что это действительно важно. Скорее всего, Джованни де Медичи и сам не понимал, но нутром почувствовал необходимость образования, а его чутье никогда не подводило.

Не подвело и на сей раз.

Кто знает, как сложилась бы судьба Флоренции, а за ней и всей Европы, не окажись Козимо Медичи учеником Роберто де Росси, приятелем Никколо Никколи и Поджо Браччолини, работодателем Бруннелески, покровителем Донателло и так далее…

Но случилось то, что случилось, – синьор Роберто де Росси был очарован юным Козимо де Медичи и взял того в ученики. А затем и его младшего брата Лоренцо, которого, впрочем, куда больше интересовали развлечения.

А вот Козимо де Медичи… Этот щуплый подросток, так похожий на своего отца Джованни, казалось, впитывал знания, как сухая земля воду. Он не стал философом и даже видным гуманистом своего времени, но Козимо стал первым настоящим меценатом эпохи Возрождения, а еще настоящим основателем династии, оставившей столь заметный след в истории. Его внук Лоренцо Великолепный покровительствовал Боттичелли и Липпи, Микеланджело и Леонардо да Винчи…

Гении не питаются нектаром с цветов и не пьют по утрам росу, им нужны еда, крыша над головой и материалы для работы. Если человек вынужден думать о том, как добыть хлеб насущный сегодня и где переночевать завтра, он никогда не создаст то, что может создать без повседневных забот.

К счастью для гениев, это понял Козимо де Медичи, понял и внушил своим потомкам. Козимо заработал огромный капитал и поставил его на службу Флоренции, потратив сумасшедшие средства на оплату заказов и создание условий для талантливых людей. Мир должен быть безмерно благодарен Медичи за то, что эти банкиры тратили деньги не на золочение своих стульчаков или бриллиантовые цепочки в хвостах лошадей, а на библиотеки и больницы, на поиски и содержание гениальных архитекторов, скульпторов, художников, философов…

Козимо буквально облизывал невыносимого Брунеллески и мирил его с не менее сложным Гиберти, только бы эти двое вознесли над собором Санта-Мария великолепный купол. Заступался за Донателло из-за обвинений в содомии, за беглого монаха Липпи перед папой римским, дабы того не вздернули за уголовщину, оплачивал безумные счета Никколи за покупки древних рукописей… Он платил, платил и платил, создавал условия, уговаривал, сносил любые капризы, только бы эти гении показали себя в полной красе.

Показали. Возрождение в Италии – это прежде всего Флоренция, а Флоренция – это Медичи.

Росси с интересом слушал, как Козимо объясняет что-то младшему брату. Лоренцо присоединился к ним позже, когда Козимо уже успел многое узнать от наставника, повторять было бы просто неинтересно, и старший брат невольно стал помощником у своего учителя – он пересказывал младшему то, что уже знал сам. Росси наблюдал такую картину не раз, делая вид, что занят размышлениями и не обращает внимания на братьев, прислушивался, вот как сейчас, с удовольствием отмечая толковый пересказ Козимо.

У Джованни де Медичи старший сын заслуживал всяческих похвал. Жаль, что младший не таков. У обоих братьев великолепная память и цепкий ум, но если старший употребляет эти прекрасные качества на дело, то Лоренцо предпочитает пропускать услышанное мимо ушей, не нагружая свой ум знаниями. Нет, он тоже схватчив и сообразителен, но легкомыслен сверх меры.

Правда, иногда Роберто Росси под внимательным взглядом старшего сына Медичи становилось не по себе, казалось, что мальчик видит насквозь. Словно за личиной подростка скрывается старый лис. Иногда учитель не был уверен, что вот эта мудрость не по годам ему нравится…

Но сейчас синьора Росси занимало иное. Козимо удался в отца, он думает очень быстро, умеет прекрасно аргументировать свои соображения, выстраивать доводы, делать заключения, у него отменная память, однако юноша совершенно не способен ораторствовать. Присутствие людей его смущает, сбивает, словно лишая скорости мышления и складности речи.

А вот в личной беседе умней человека найти трудно.

Об этом и размышлял синьор Росси, прислушиваясь к объяснениям Козимо. Его младший брат Лоренцо только делал вид, что слушает, он кивал, но мысли мальчика витали где-то далеко. Это, видно, понял и старший брат, он что-то переспросил, Лоренцо кивнул, соглашаясь.

– Да ведь ты даже не слушал! – возмутился Козимо.

– Почему же? Ты рассказывал о фреске Джотто. Пойдем сегодня на реку?

Козимо вздохнул. Лоренцо неисправим, даже если он дословно запомнил все, что говорил старший брат, это выветрится из его головы уже к завтрашнему дню.

Но Козимо все равно объяснял и рассказывал. Он понял, что, когда делает это, многое осознает сам, а иногда что-то, что не привлекало внимания, становится непонятным, и нужно спрашивать у наставника. Синьор Росси объяснял с удовольствием и не был против своеобразных уроков, которые Козимо устраивал Лоренцо.

Так они и учились – сначала Козимо, потом Лоренцо, а потом снова Козимо.

Лоренцо ворвался в комнату, где Джованни со старшим сыном что-то подсчитывали:

– Мануфактура Томаззо горит!

Даже если бы объявили о конце света через пять минут, Джованни де Медичи непременно спрятал бумаги, прежде чем покинуть свой кабинет. А пожар у Томаззо – не конец света, разве что для этого бедолаги.

Горела не мануфактура, а склад готовых тканей, это еще хуже. На самой фабрике влажно, много воды, там все не сгорит, а вот на складах, наоборот, сухо, чтобы сукно не отсырело. Склад не просто горел, он догорал. Когда Медичи с сыновьями приблизились к бывшему хранилищу Томаззо, его владельцу

оставалось только рвать на себе волосы – спасать было нечего. Смогли отстоять склады соседей, хотя и там пострадали.

Поджог…

Джованни де Медичи с горечью и сочувствием смотрел на пожарище, он лучше многих понимал, что такое потерять продукцию, которую завтра должны отправить вниз по Арно и дальше от Пизы судами по всей Европе. У Томаззо прекрасное сукно. Было…

Медичи заметил сам погорелец, это оказалось последней каплей несчастий, он буквально возопил:

– Что, синьор Медичи, пришли посмотреть на мою беду? Сгорели ваши денежки, сгорели! Теперь вам останется только отобрать мою фабрику, чтобы вернуть то, что я у вас занял.

Джованни махнул ему рукой:

– Томаззо, подойди ближе.

Тот продолжил кричать:

– Сгорели все мои надежды. Вы можете отобрать мой дом и выбросить мою семью на улицу, синьор Медичи!

Но ближе подошел. Козимо помнил, что суконщик и впрямь недавно взял у Медичи крупный кредит на два года в надежде самому отвезти свое сукно во Францию и заработать больше, чем обычно, чтобы и долг вернуть, и на расширение мануфактуры и перестройку старого дома хватило. Медичи мог потребовать свои деньги обратно и попросту погубить несчастного суконщика окончательно. Одним конкурентом стало бы меньше и одним несчастным больше. И все по закону.

– Томаззо, приходи завтра до полудня ко мне, перепишем договор. Вернешь сумму, которую взял, через пять лет, а проценты – когда встанешь на ноги.

Суконщик не мог поверить собственным ушам:

– Вы не требуете возврата долга немедленно?

– Нет, отдашь через пять лет.

Джованни де Медичи был совершенно серьезен, он не стал смеяться над растерянностью погорельца, не ждал благодарности от того, просто повторил свои слова и махнул сыновьям, что пора идти.

– Синьор Медичи…

Похоже, ожидать продолжения от Томаззо не стоило, тот был слишком растерян. Но Медичи уже уходил, двигаясь по привычке быстро. Он все делал быстро, особенно думал и считал.

Вслед им неслось:

– Простите меня, синьор Медичи… извините…

– Отец, а если завтра подожгут свои фабрики все, кто вам должен? – осторожно поинтересовался Лоренцо.

Джованни фыркнул:

– Эти люди зарабатывают трудом, спроси у Козимо, он тебе расскажет. И для них потеря возможности трудиться и получать за это прибыль страшней долговой кабалы. Я готов простить Томаззо долг совсем, если увижу, что он действительно делает все, чтобы встать на ноги.

– То-то он был бы вам благодарен! Да и так будет, – рассмеялся Лоренцо.

Джованни вдруг остановился, идущие следом сыновья едва не налетели на отца.

– Запомните оба: никогда не ждите благодарности за то, что сделали. А вот зависть и осуждение ждите всегда.

Даже Козимо не выдержал:

– Но ждать от него благодарности было бы справедливо.

– Люди никогда не бывают справедливы. Ни когда порицают вас незаслуженно, ни когда заслуженно хвалят или благодарят.

– Как тогда понять, хорошо поступил или плохо? – уточнил в спину уже шагавшему дальше отцу Лоренцо.

– А ты сам не понимаешь это? Ничего не стоит добрый поступок, если ты совершаешь его ради благодарности или похвалы.

Козимо больше интересовала вторая часть высказывания отца.

– А почему вы так сказали о зависти?

– Это чувство люди испытывают часто независимо от их желания. Не завидовать очень тяжело, но не легче не давать повода для зависти. Научитесь вести себя так, чтобы этих поводов было как можно меньше. Чем меньше зависти вы к себе вызываете, тем легче жить.

– Но бедные всегда завидуют богатым! – объявил Лоренцо.

Джованни кивнул:

– Ты прав, завидуют. Но еще сильней богатым завидуют богатые. Потому и говорю, что не стоит выставлять напоказ свое богатство, а если оно у вас есть, лучше вложить в дело и поделиться с теми, кому плохо.

Глядя вслед ушедшему отцу, Лоренцо задумчиво поинтересовался:

– Как ты думаешь, отец говорил искренне?

– Думаю, что да. То, что он банкир, не превращает нашего отца в ядовитого паука, способного задушить в своей паутине каждого, кто в нее попадет.

Когда Роберто Росси объявил Козимо, что сегодня они пойдут к синьору Никколо Никколи, Лоренцо даже спрашивать не стал, пойдет ли он тоже. Лоренцо не меньший «хвост» Козимо, чем тот когда-то был у Антонио. Правда, не заглядывает брату в рот и иногда даже высмеивает его.

А сам Козимо был потрясен:

– Синьор Росси, это такая честь для нас…

Роберто подумал, что юноша слишком впечатлителен для сына банкира, но сказал только, что Никколи сам просил привести Козимо, поскольку уже наслышан о его способностях.

Никколи – личность столь примечательная, что, пожалуй, во Флоренции не найти никого, кто бы о нем не слышал, а уж если слышал, то, встретив, не смог не узнать. Никколи был римлянином. Нет, он не приехал из Рима, Никколо флорентиец, но по духу – римлянин времен Великой римской империи. И дух этот во всем, от всепоглощающей любви к античной литературе и философии до мельчайших подробностей быта.

Отец Никколо был весьма состоятелен, сын же увеличивать состояние не умел, но оставленного пока хватало на то, чтобы превратить свой дом в копию древнеримского и вести себя соответственно. Никколи ходил в тоге, изящно перекинув ее край через руку, в сандалиях даже зимой, не носил шаперон или кабан, даже шоссы не надевал, предпочитая под своим хитоном и тогой оставаться с голым задом, как утверждал его друг-насмешник Бруни. Пищу дома вкушал полулежа из античной посуды, требуя, чтобы скатерти на столе были белоснежными. Весь его дом был собранием античных артефактов – мебель, посуда, статуи, мозаика на полу…

А еще книги… У Никколи была самая большая во Флоренции библиотека, он считался лучшим знатоком латыни и знатоком древнеримской литературы. И переписчиком книг. Никколи переписывал сам, а для ускорения работы придумал даже собственный шрифт, который прижился и позже был назван курсивом. Стоило какой-то стоящей книге попасть в его руки, как она немедленно либо покупалась за любые деньги, либо переписывалась. Гутенберг еще не изобрел свой печатный станок, книги переписывали, тратя на это уйму

времени, но разве можно жалеть время, если у тебя в руках Вергилий или Цицерон?

Постепенно Никколи стал переписывать даже те произведения, которые ему удавалось купить. Это решение оказалось верным, когда его ученик и соратник Поджо Браччолини раздобыл «О природе вещей» Лукреция, текст также был переписан, потому и сохранился для потомков, ведь оригинал благополучно потеряли.

Разыскивать старинные рукописи, приобретать их, читать и даже переписывать для Флоренции того времени было делом обычным, одна из книжных лавок Веспасиано Бестиччи распахнула свои двери прямо на площади перед Синьорией, так что Козимо нередко нарушал запрет отца «находиться перед Синьорией, если тебя туда не звали». Конечно, он видел там Никколо Никколи, но лишь издали, стесняясь подойти.

И вот теперь его приглашали в необычный дом великого человека!

Дом Никколи их поразил, но прежде поразил… женский крик, доносившийся из внутренних покоев. В ответ слышался голос хозяина:

– Бенвенута, прекрати! О, боги! Замолчишь ты или нет?!

Роберто де Росси усмехнулся:

– Опять ссорятся. Дня без скандала не проходит.

– С кем? – шепотом уточнил Козимо.

– Теперь она его жена…

Лоренцо дернул брата за рукав:

– Я тебе потом объясню.

К гостям выскочил всклоченный и разъяренный хозяин дома и сразу обратился к Козимо:

– Не женитесь, юноша, никогда не женитесь! – И уже спокойней пояснил: – Женщины постоянно требуют уделять им время, которого и без того мало.

Та самая Бенвенута, с которой яростно спорил муж, последовала за ним и, конечно, услышала совет, данный гостям. Бенвенута была особой весьма примечательной – крупная, не потерявшая красоту, но уже не первой молодости, из тех женщин, кому больше подошло бы распоряжаться в таверне. Объяснение мужа ее возмутило, Бенвенуто снова уперла руки в бока и завопила:

– У кого это времени мало, у вас?! Да вы на болтовню изводите в сто раз больше, чем на меня! И на старье свое тоже.

– Уйди, – мрачно приказал Никколи. Все трое гостей поняли, что возражать Никколи не стоит. Поняла это и Бенвенута, она осторожно, бочком удалилась, больше не произнеся ни слова.

После такого начала продолжить удалось не сразу. Росси посоветовал братьям:

– Походите и посмотрите сами, потом спросите.

– Вот это да… – восхищенно прошептал Лоренцо, когда они с Козимо действительно принялись обозревать богатство, накопленное Никколи.

Козимо лишь кивнул. Такого они не видели никогда и нигде. Мраморные бюсты и целые скульптуры, вазы, чаши, сосуды непонятной формы и предназначения, заботливо разложенные медали, монеты, камеи… чего там только не было!

У Козимо мелькнула мысль, что Бенвенута права – при такой коллекции уделять время жене просто невозможно.

Убедившись, что Никколи и Росси завели свою беседу, к которой присоединился еще один гость в монашеской рясе, Амброджо Траверсари, Лоренцо шепотом рассказал брату историю Никколо и Бенвенуты. Бенвенута была любовницей брата Никколи, и ученый муж зачем-то отбил красотку, пообещав жениться на ней. Он так и поступил, для начала сделав ее хозяйкой дома. Дома, но не вещей в нем. Бенвенута, видно, очень быстро пожалела о своей измене, ведь брат Никколи был обычным флорентийцем, пусть и состоятельным, а Никколо… В

общем, скандалы начались почти сразу и с тех пор не прекращались.

– Бенвенута – простая кухарка, ни латыни, ни греческого не знает, едва ли умеет читать. Но требует к себе внимания, вот Никколи и ругается.

Дольше говорить братья не стали, потому что Траверсари взялся переводить текст с греческого на латынь. Козимо прекрасно давались языки, он пока еще плохо знал греческий, но уже хорошо владел латынью и в тот момент, когда Траверсари по оплошности допустил какую-то ошибку, невольно поправил. Мгновенно воцарилось молчание, Росси и Траверсари замерли, переводя взгляды с Козимо на Никколи и обратно. Медичи понял, что сделал что-то не то, но он был уверен в своей правоте и смотрел спокойно.

Молчание длилось пару мгновений, потом Никколи потребовал повторить замечание. Козимо повторил.

– А ведь он прав! – ткнул пальцем в сторону Козимо Никколи. – Прав! Молодец!

Позже Козимо узнал, что никому не позволительно делать замечания на латыни и о ней раньше, чем это сделает сам Никколи. Никколи считался (вернее, считал сам себя) непревзойденным знатоком классической латыни, произведений не писал, но критиковать мог любого. Причем критика чего бы то ни было возможна лишь с его стороны, ни слова против себя Никколи не терпел, закатывая скандалы почище Бенвенуты.

Его друзья об этом помнили и просто выжидали, когда мастер перестанет злиться и придет мириться. У Никколи был очень злой язык и полное неумение держать его за зубами, потому ссоры и обиды оказывались частыми.

В первый визит до ссоры не дошло, но братья долго пробыть у мэтра не могли, их ждали дома. Взяв с Козимо обещание приходить почаще, Никколо на прощанье напомнил:

– И не женитесь.

Он сам проводил Медичи до ворот, вообще-то Никколи был добрым и как ребенок радовался, если его книги кого-то интересовали. Козимо интересовали,

а потому он сразу стал любимцем гуманиста.

– Удивительный юноша, удивительный. Что-то подсказывает мне, что его ждет великое будущее. Не знаю какое, но великое. – Никколи убеждал Росси так, словно это не он привел понравившегося юношу.

– Да, вы правы. Но кем может стать сын ростовщика? Только ростовщиком.

Никколи вдруг резко повернулся к другу.

– А вот это от нас с вами зависит! – Он решительно перебросил конец ткани с руки на плечо и зашагал в дом. – Приводите его сюда почаще.

– Если не воспротивится его отец.

– А мы осторожно, – заблестел глазами Никколо.

В доме Никколи Козимо познакомился с теми, кто определял культурную жизнь Флоренции, – Леонардо Бруни, Поджо Браччолини, Карло Марсуппини… Все трое бывали во Флоренции наездами, ведь Бруни и Браччолини служили при папской курии секретарями. Они были не менее едкими и резкими, потому частые стычки происходили не с одной лишь Бенвенутой.

А еще со знаменитым уже Брунеллески.

Флоренция была городом богатых гильдий, ее ткани ценились во всей Европе, а купцы торговали повсюду, конечно, не как венецианские, у которых море, можно сказать, под ногами, но все же. И флорентийцы всегда любили свой город. Наверное, все любят свою родину, но флорентийцы еще и тратили немалые средства на украшение города.

Когда во Флоренции решили объявить конкурс на лучшую модель четырех ворот Баптистерия, основная борьба развернулась между местными скульпторами Гиберти и Брунеллески. Конкурс выиграл Гиберти, он и создал это чудо, которое много позже Микеланджело назвал «Воротами в рай». Оно того стоит.

Разобидевшись из-за проигрыша в конкурсе на создание дверей Баптистерия, Брунеллески решил бросить скульптуру и заняться архитектурой, для чего отправился в Рим изучать древние развалины.

Джованни де Медичи впервые в своей жизни был приглашен в числе других уважаемых людей Флоренции для выбора победителя. Долго заседали, совещались, спорили… Козимо помнил, как ответственно подходил к делу отец, а еще как он бывал странно задумчив, подолгу смотрел на ворота собственного дома, на дома на улице. Наннина даже ехидно поинтересовалась у мужа, не намерен ли он и себе заказать новые ворота у Гиберти. Джованни спокойно ответил:

– Такое для всех, для себя нужно проще. Но я бы заказал Брунеллески, хотя его проект не победил.

– Брунеллески?! – ахнула Наннина. – Этому городскому сумасшедшему?

– Он гений, – коротко и спокойно возразил Медичи-старший.

Если и был во Флоренции более странный, чем Никколи, человек, то, несомненно, Брунеллески. Сполна прелести сумасшедшего нрава этого гения Козимо хлебнул позже, ведь ему пришлось много лет нянчиться с архитектором, впрочем, не с ним одним.

Не терпевшие ни слова против себя, Никколи и Брунеллески умудрялись не задевать друг друга, иначе их не спасла бы даже общая любовь к античности.

– Мы многое потеряли из того, что знали и умели наши предки, юноша. Главное – сам дух Великой римской империи. Великий Рим правил миром! – внушал молодому Медичи Никколи. – Вы не были в Риме?

– Нет. Конечно, нет, – чуть смутился Козимо. – Я никуда не выезжал из Флоренции, кроме нашего имения в Кафаджолло.

Заметив, как заблестели глаза Козимо при одном упоминании деревни, Никколо поинтересовался:

– Вам дорога эта деревня? Вы там родились?

– Нет, я родился во Флоренции. Этот город мне дороже всех других мест в мире. Просто вспомнил, как хорошо летом в имении.

– Есть еще одно место, где стоит поискать, там можно добыть такие артефакты, какие и не снились даже Риму.

– Где?

– В Святой земле. Да, Иерусалим должен быть богат на артефакты.

– А в Риме уже все раскопали? – осторожно поинтересовался Козимо.

– Нет, конечно! Вот чем нужно вам заняться, а не этими вашими счетами.

Удивительно, но Козимо удавалось не провоцировать гнев Никколи. Пребывание в этом необычном доме и общение с пусть очень трудными, но гениальными и образованными людьми научило Козимо многому. Он, словно губка воду, впитывал не только знания, но и понимание того, как надо вести себя с людьми, особенно такими, кто не от мира сего. Через много лет Козимо скажет брату, что с гениями следует обращаться так, словно они не из крови и плоти, а сотканы из звездной пыли.

Научился такому обращению Козимо в необычном доме Никколи.

Но не только ради общения с гениями приходил в этот дом Козимо Медичи, имелась еще одна причина. Звалась эта причина Пьереттой и была племянницей Бенвенуты.

Вообще в доме вместе с Бенвенутой жили две ее племянницы, но вторую – Марию – Козимо даже не замечал, хотя Лоренцо считал, что она гораздо симпатичней сестры, по крайней мере, бойчее.

Пьеретта была простой девушкой, хотя читать умела и даже немного знала латынь. Но разве для влюбленности эта самая латынь столь уж важна? Любовь всегда приходит неожиданно, а уж первая вообще словно девятый вал или цунами. Козимо посмотрел в темные глаза Пьеретты и пропал!

Она тоже пропала. Девушка не заметила, что избранник невысок и щупл, что некрасив, что слишком серьезен. Пьеретта видела только глаза Козимо…

Лоренцо над братом посмеивался, Бенвенута пыталась племянницу вразумить, объясняя той, что дурехе не стоит заглядываться на сына банкира, пусть и средней руки. Впрочем, немного подумав и вспомнив собственную судьбу, она махнула рукой:

– Может, и тебе повезет!

Не повезло. Джованни де Медичи не позволил, у него на старшего сына были свои планы.

Когда у отца такой взгляд, не жди ничего хорошего…

– Вместо того чтобы заниматься делом, ты опять полдня провел у Никколи?

– Почему вам не нравится Никколи? Он достойный человек… С Никколо дружил сам Салютати.

– Хоть святой Августин! Достойный человек занимается тем, что проматывает остатки огромного состояния, полученного в наследство.

– Отец, он много знает, у него есть чему поучиться и много книг. Если бы вы только видели его книги!

Неожиданно для Козимо Джованни Медичи взъярился. Он не отличался высоким ростом, как все мужчины в роду, и, как многие низкорослые, легко впадал в ярость. Только привычка осторожного ростовщика помогала держать эту ярость в узде.

На сей раз Джованни сдерживаться не стал.

– Книги или его дрянная племянница привлекают тебя в дом Никколи?!

Козимо мысленно пообещал отомстить Лоренцо – наверняка это он проболтался отцу о Пьеретте.

– Пьеретта хорошая девушка, отец…

– Хорошая?! – продолжил бушевать Джованни. – Настолько хорошая, что полгорода уже болтает о твоей на ней женитьбе. Что ты ей обещал?!

– Ничего.

– Слово, данное банкиром или даже сыном банкира, имеет силу клятвы, иначе этот банкир ничего не стоит. Потому если обещал жениться на ней, то должен сделать это, разрушив свою судьбу и уничтожив все мои надежды на тебя.

– Я не обещал. Но хотел бы это сделать, отец. Я люблю Пьеретту.

– Ты спал с ней? – Джованни так же быстро потух, как загорелся гневом. Тон был уже миролюбивым.

– Нет, но это неважно.

– Еще как важно. Козимо, в твоей жизни будет еще немало женщин, конечно, куда меньше, чем у Лоренцо, но все же. Только никогда не путай любовь с жизнью, тем более с делом. Если бы я женился на первой девушке, в которую влюбился, то сейчас пас бы овец. Если бы на второй – торговал бы в лавке. Но я предпочел заниматься делом, в результате у меня есть ваша мать, вы с Лоренцо и банк. Я всегда мечтал, что у моей семьи, моих детей будет все. О чем мечтаешь ты?

Козимо на мгновение даже растерялся от такого перехода, но на вопрос ответил:

– Подарить Флоренции купол собора. Мечтаю, чтобы эта работа была наконец закончена.

Он понимал, что может сказать отец, мол, об этом мечтает каждый флорентиец. Но услышал совсем другое.

– Я тоже о нем мечтаю. Но чтобы подарить Флоренции купол, совсем необязательно становиться архитектором. И уж тем более жениться на Пьеретте. Можно оплатить работу архитектора, а для этого нужно самому приумножить деньги.

– Деньги, деньги, деньги! Отец, я от вас только об этом и слышу. Неужели для вас не существует ничего другого?

– И это говорит мой сын?! – Лицо Джованни начало покрываться пятнами. Нет, он не сокрушался, он снова гневался.

– Так отрекитесь от меня, чтобы я смог, не позоря вас, стать архитектором и достроить собор.

Мгновение Джованни молча смотрел на сына, потом круто развернулся и шагнул к двери, но тут же остановился. Следующее мгновение он стоял, словно что-то вспоминая, снова повернулся. Козимо крайне редко видел отца в гневе, а уж вот так они не разговаривали никогда. Медичи правил семьей твердой рукой, всегда он говорил, остальные выполняли. Бунтовать не приходило в голову даже беспокойному Лоренцо.

– Быть архитектором не зазорно, а уж таким, кто завершил бы купол, почетней, чем быть ростовщиком. Я видел, как блестят твои глаза, когда ты берешься за чертежи или просто рисуешь. Но еще сильней они блестят, когда ты считаешь. Ты прирожденный банкир, Козимо, хотя пока этого не понял. Но главное – не умение делать деньги, а умение их тратить. Подумай над этим. И уж конечно, над тем, что жениться в твоем возрасте, даже на любимой девушке, рановато.

Шаги Джованни уже стихли, а Козимо все стоял, пытаясь что-то понять. Да, отец прав, как-то само собой получилось, что расчеты, подсчеты стали для него самым интересным занятием. Даже счетной доской не пользовался, обычно все делал в уме. Брат не единожды проверял и ахал:

– Надо же, я со счетами так не сделаю, как ты в уме.

Лоренцо, легок на помине, заглянул в комнату:

– Чего это отец бежал, словно на пожаре? А ты чего стоишь столбом?

Козимо вспомнил о Пьеретте, втянул брата в комнату и плотно закрыл дверь.

– Это ты сказал отцу о Пьеретте?

Лоренцо замотал головой:

– Не, не я. Это ее сестрица болтает, полгорода уже наслышаны, что сын Медичи втрескался и собирается жениться. Я тебе говорил, что отец не позволит. Ох, чует мое сердце, что жениться придется мне.

– На ком? – обомлел Козимо.

Лоренцо не по годам развит физически и весьма любвеобилен. Ему четырнадцатый, но выглядит младший брат Козимо на все восемнадцать, и любовный опыт у юнца такой, какой не всякий взрослый имеет. Но жениться…

– На твоей Пьеретте. Если один сын Медичи обещал жениться, значит, другому придется выполнять обещание, – притворно вздохнул Лоренцо и прошелся по небольшой комнате, кривляясь.

– Ты на Пьеретте?

– А что, не гожусь? Или ты ревнуешь? Знаешь, Козимо, она хорошая девчонка, но только чтобы переспать. Тебе в жены не годится.

– А кто годится мне в жены? – Что сегодня за день? То отец ведет речи, которых от него никто не ждал, то Лоренцо вон умничает… – И я ничего не обещал. А ты говоришь совсем как отец.

– Надо же… Это случайно получилось, клянусь. Но отец действительно не позволит тебе жениться на этой девчонке. У него другие планы. Если ты не обещал, это хорошо, не придется мне жертвовать собой.

Не сдержавшись, Козимо швырнул в брата тем, что подвернулось под руку, а подвернулся небольшой ящичек для камешков от счетов. Самих камешков в нем не было, но все равно увесистый. Лоренцо увернулся, однако угол, видно, задел плечо.

– Сумасшедший! Убьешь ведь, – потирая ушибленное место, возмутился младший брат.

– Иногда мне кажется, что ты старше меня, – задумчиво произнес Козимо.

Лоренцо молча уставился на брата, чуть подумал и кивнул:

– В этом да, а в делах ты старше отца.

– В каких делах?

– Банковских. Отец прав, Козимо, ты прирожденный банкир, и этого тебе не избежать.

– Что бы ты понимал! Кроме как под юбки заглядывать, ничего другого знать не хочешь.

Эта тирада вырвалась у Козимо невольно, его действительно раздражала привычка Лоренцо во всем искать любовную выгоду в ущерб учебе.

Видя, что рука брата снова ищет что потяжелей, Лоренцо предпочел ретироваться:

– Ладно, ладно… я пошел. Если на Пьеретте необязательно вместо тебя жениться, то я, пожалуй, пересплю с Марией.

– Вот дурак! – беззлобно выругался Козимо вслед неугомонному братцу.

Джованни понимал, что никакими нравоучениями влюбленность сына не задушишь, надо действовать по-своему, то есть хитрей. Банкир решил применить самое действенное средство – золото.

Кроме того, у Джованни на старшего сына были свои виды, а для этого Козимо требовалось выбросить из головы не только Пьеретту, но и дом, где ее увидел.

Совсем недавно Флоренция присоединила к себе Пизу, вернее, просто купила эту территорию. Но в Пизе потребовали гарантий своей безопасности, а в качестве залога хотя бы на время двадцать молодых людей из состоятельных семей Флоренции.

Заложники…

Но когда вместе со Строцци, Альбицци, Уццано назвали и имя Козимо Медичи, Джованни почувствовал себя польщенным. Его самого уже несколько раз избирали в Синьорию, потом доверили быть в числе выборщиков на конкурсе, теперь вот Козимо должен ехать в Пизу… Конечно, должен, у отца и сомнений не возникало на этот счет.

Потому, услышав слух о намерении старшего сына жениться на простолюдинке, Джованни так взъярился. Он решил разобраться со всем сам, а еще убедить Никколи, чтобы тот не мешал банковскому будущему Козимо.

Сказано – сделано, Джованни де Медичи не из тех, кто бросает задумки на полпути.

– Пьеретта, я понимаю, что тебе хочется стать женой Козимо Медичи. Ты достаточно наслышана о состоятельности моего сына и моем состоянии тоже.

– Синьор Медичи… – смутилась девушка, пока еще надеясь на благополучный исход разговора. Но уже в следующее мгновение после останавливающего жеста Джованни Медичи поняла, что ничего не получится.

– Я не столь богат, как… другие, но даже родство с синьором Никколи не дает тебе право рассчитывать на такое замужество. Козимо обещал на тебе жениться?

– Нет, синьор, – замотала головой девушка.

– Он… обесчестил тебя?

– Нет, что вы! – Пьеретта залилась краской.

Надо же, удивился Джованни, девчонка даже способна краснеть…

Он вздохнул:

– Мы не всегда можем поступать так, как того желает сердце. Козимо слишком молод, чтобы жениться, ему нужно многому научиться. А вот тебе пора замуж. Я дам тебе приданое. Неплохое приданое.

– Я не из-за денег, синьор Медичи, я люблю Козимо.

– Деньги – не лучшая замена любимого, но они не помешают.

Довольно увесистый кошель перекочевал в руки растерянной Пьеретты.

– У меня одно условие, девочка: не давай повода для сплетен о вас с моим сыном и постарайся не попадаться ему на глаза. Не выполнишь эту просьбу, уничтожу.

Глядя вслед спокойно вышагивавшему банкиру, Пьеретта обливалась слезами. Разве она виновата, что родилась пусть не в хлеву, но не во дворце? И в Козимо она по-настоящему влюбилась, как и он в нее. Да-да, женщина всегда понимает, если мужчина влюблен. Козимо хороший, не потому, что сын синьора Медичи, а просто потому, что хороший. Он умный, добрый и скромный, не как его брат Лоренцо. Но синьор Медичи прав, Козимо не для Пьеретты.

И мессир Медичи тоже хороший, он строгий, но добрый. Мог бы просто вышвырнуть Пьеретту из Флоренции, а он денег дал. Флоренция – республика, но золото никто не отменял, потому перед законом все равны, а вот между

собой – нет, и девушка-простолюдинка даже в республике не может рассчитывать на замужество с сыном даже самого доброго банкира.

Теперь предстоял разговор с Никколи, разговор, о котором никто не должен знать, как и о его последствиях. Умеет ли этот чудак-философ держать язык за зубами? Оставалось надеяться, что умеет.

– Синьор Никколи, я Джованни де Медичи, отец Козимо.

– Прошу вас присесть, синьор Медичи. Конечно, я узнал вас…

Никколи чуть смутился, он чувствовал, что Джованни пришел не зря, у того серьезный разговор. И дело не в том, что банкиры вообще осторожны в знакомствах, а Медичи и вовсе мало с кем знался, просто было в этом невысоком человеке что-то такое, что заставляло даже самых значительных собеседников чувствовать его волю и тайную силу.

Медичи не стал укладываться на пиршественное ложе, хотя жест хозяина дома указывал именно на такое место, он вообще не стал садиться.

– Синьор Никколи, позвольте мне сразу приступить к делу.

Никколи тоже остался стоять, но не подошел ближе, чтобы не нависать над гостем. Они смотрели друг на друга с откровенным любопытством.

– Синьор Никколи, я уважаю людей, которые знают свое дело лучше других. Вы знаете свое. Я искренне уважаю вас.

– Благодарю… – Никколи просто не знал, что ответить на такое заявление. Медичи словно не заметил легкого смущения собеседника и продолжил:

– Я не был против вашей дружбы с моим сыном. – Никколи напрягся. Неужели Медичи подозревает их с Козимо в сексуальной связи? Но Джованни де Медичи поднял ладони, словно защищаясь от какой-то нелепицы: – Нет-нет, судя по тому, что у Козимо есть любовница, он не занимается содомией, я не о том.

Теперь банкир полез за пазуху и достал оттуда несколько листов.

– Речь пойдет о деньгах. О чем же еще может говорить банкир, не так ли?

Увидев угол одной из бумаг, Никколи понял, что это такое, и помрачнел. Медичи кивнул:

– Вы правильно подумали, синьор Никколи, это ваши заемные расписки. Все. Я верну вам их, если вы вернете мне сына.

– Но я… что значит вернуть сына? Он ваш, я никогда не пытался… я никогда не настраивал его против отца… – Никколи замолчал, повинуясь жесту банкира.

– Я буду оплачивать ваши траты и впредь при условии, что вы не станете препятствовать банковским занятиям Козимо. Он должен стать банкиром, и если подумает, что его будущее в другом, вы сумеете убедить его в моей правоте. Это первое.

Джованни де Медичи медленно порвал листы.

Никколи завороженно смотрел на клочки собственных векселей, предъявление которых не просто разорило бы, но вогнало в нищету. И тут его охватил ужас: вдруг это только копии, разве не мог Медичи копировать векселя, как сам Никколи копировал книги? Но нет, вон на клочке его собственный почерк со знаменитым наклоном вправо и характерное написание двух букв, которое не могли повторить даже ученики.

А банкир тем временем продолжил:

– И второе: я знаю, на что вы потратили полученное наследство, и уважаю ваше увлечение. Можете скупать сколько угодно рукописей и дальше при условии…

Конечно, разве банкир может что-то делать, не ставя при этом никаких условий в свою пользу?

Визит получился коротким.

Перед уходом Медичи вдруг попросил:

– Многие считают меня недалеким и способным видеть только деньги. Прошу вас, не разубеждайте людей в этом. Моему сыну тоже необязательно знать о моем визите и нашем договоре. И не сомневайтесь, Медичи держит слово.

Козимо узнал о договоренности отца с наставником очень нескоро, только когда их обоих уже не было на свете. Не только банкиры умеют держать слово, философы тоже.

Вторым условием Джованни Медичи назвал завещание в пользу Козимо всего, что Никколи будет куплено за время действия договора. Через много лет Козимо действительно получит по завещанию своего учителя большую часть его огромной библиотеки и множество артефактов. А до этого он сам, не задумываясь, много лет выполнял наказ отца: оплачивать все векселя Никколи, не задавая вопросов. Никколи использовал деньги Медичи с пользой. И тайно для Козимо.

Глава II

Пиза всегда была головной болью Флоренции. Она в устье реки Арно, а значит, запирает выход Флоренции к морю.

Это положение – и выгода, и проклятье Пизы. Река, море, порт, возможность контролировать морскую торговлю более сильных соседей, с одной стороны, и постоянная опасность со стороны моря – с другой. У Пизы слабый берег, его подмывают Арно и морские волны, потому достойной крепости нет, а без крепости город открыт не только ветрам, но и грабителям.

Разве могли флорентийцы спокойно смотреть на самостоятельность Пизы?

Когда им все-таки удалось поставить строптивых соседей под себя, пизанцы потребовали заложников – два десятка молодых людей из лучших семейств. Это они сделали сгоряча и явно не подумав хорошенько.

Два десятка богатых флорентийцев – это еще пара сотен их сопровождающих и слуг. Для Пизы такое количество прибывших невелико, в Пизанском университете немало беспокойной молодежи, даже через несколько лет, когда на Пизанский собор съехались представители всей Европы (по утверждениям пизанских патриотов, собралось десять тысяч человек!), Пиза не лопнула от натуги.

Но как ни крути, два десятка молодых бездельников способны раскачать даже портовый город. В общем, пребывание в качестве заложников не оказалось долгим и обременительным, но оказалось весьма полезным.

От семьи Альбицци в Пизу приехали два сына Мазо де Альбицци. Собственно заложником числился младший из братьев Лука, сверстник Козимо, а старший Ринальдо был сопровождающим и фактическим надсмотрщиком над молодежью, а также соглядатаем отца, стоявшего во главе Флоренции.

С Лукой Козимо подружился сразу, они вместе учились еще в школе, а потом Лука пришел к Росси. Поговорить было о чем, тем более других занятий не имелось. Лука и Козимо не стремились попасть на разные пирушки или увеселения с дамами легкого поведения.

Сказать, что старшему из братьев не нравилась дружба младшего с сыном банкира средней руки, да еще и конкурента, значит не сказать ничего. Альбицци не просто в числе самых богатых, они давно в числе настоящих правителей Флоренции. Мазо де Альбицци и Никколо Уццано – вот те, кто диктует волю остальным.

Флоренция могла сколько угодно называть себя республикой и гордиться выборностью своих органов управления, действительность всегда отличалась от нарисованной в умах флорентийцев картинки. Да, членов Синьории меняли часто – каждые два месяца, да, их имена выбирались по жребию путем вытягивания восковых шариков с записками внутри, но эти имена сначала отбирали сильные мира сего. Во главе гильдий стояли богатые люди, а богатые всегда держатся вместе. В Синьорию попадали середнячки, но их всегда было меньшинство, и противостоять тем, у кого деньги и древность рода, трудно. В Республике Флоренция не было герцогов или графов, не было дворян вообще, но равенства не было тоже. Как и в остальном мире, деньги решали если не все, то многое.

И те, у кого деньги были издавна, с большой неохотой пускали в свой круг разбогатевших недавно. Джованни де Медичи мог скромничать и не высовываться, но не попасть под пристальное внимание тех же Альбицци не мог. Медичи богател стремительно, не заметить это было невозможно. Выскочка! – такой вердикт, несмотря на всю скромность поведения, любви аристократов к Джованни и его сыновьям не добавлял.

Козимо и Луку это волновало мало, а вот Ринальдо не раз выказывал брату свое недовольство. Противостояние Ринальдо и Козимо достигло пика, когда во время общего разговора Альбицци презрительно посоветовал потомку аптекарей держаться соответственно происхождению и не пытаться чему-то учить тех, кто правит Флоренцией давно:

– Потомки аптекарей и менял должны знать свое место.

Ринальдо не стал упоминать о гильдии суконщиков или торговцев шелком, поскольку Альбицци сами там состояли. В Республике Флоренция вообще было предпочтительно состоять в какой-то гильдии, там не терпели просто богатых людей, ну разве что подобных Никколи. Все более нормальные непременно делали вид, что зарабатывают деньги тяжким трудом. Альбицци не исключение.

Его приятель из семейства Пацци довольно расхохотался, отпустив еще одну едкую шуточку.

Это было открытым оскорблением, но если бы Козимо ответил, не миновать наказания, ведь любые стычки заложников с кем-то в Пизе были запрещены и приводили к аресту и возвращению во Флоренцию. Ринальдо заложником не был, ему проще.

Все ждали реакцию Козимо, Альбицци смотрел с вызовом. Как пригодился совет отца считать до десяти, прежде чем произнести фразу во гневе! Козимо спокойно пожал плечами:

– У всех нас были предки. Медичи хотя бы знают своих, чего нельзя сказать о многих мнящих себя аристократами. К тому же кичиться аристократизмом в Республике Флоренция не пристало. Но если вам больше нечем, тогда конечно…

Веселая компания замолчала и как-то быстро распалась, разойдясь в стороны. Медичи напомнил о том, что во Флоренции правит народ и что ставить себя выше остальных опасно.

Позже Лука сказал Козимо:

– Брат страшно зол на тебя и всюду поносит, говоря, что вы выскочки. Прости, Козимо, я так не думаю.

– Я знаю.

Но требовалось что-то предпринять, отец будет страшно расстроен, когда узнает, что имя Медичи в Пизе треплют на каждом углу. Что он мог противопоставить Ринальдо Альбицци?

Нашлось что.

Через пару дней Козимо случайно увидел, как Ринальдо, стараясь быть неузнанным, выходит из меняльной лавки Бекаделли. Зачем человеку, имеющему свою контору банка, таясь, ходить в чужую? Только в одном случае – если ему нужно на время перехватить деньги втайне от отца. Этим следовало воспользоваться.

Козимо вспомнил о любовнице Ринальдо, пизанской красавице Франческе. Девушка была действительно очень красива и столь же умна. Но ее ум – из тех, что служит исключительно обогащению.

Дальше было просто. За один солид служанка Франчески рассказала о том, какие украшения нравятся ее хозяйке, ювелир с вниманием выслушал сетования Козимо по поводу необычайной красоты броши и сережек, которые, к сожалению, не подходят его сестре, зато прекрасно подошли бы донне Франческе. Не просто выслушал, но и принял к сведению. Украшения красавице показал, а она изъявила желание иметь такие.

В результате за следующую неделю Ринальдо Альбицци был вынужден нанести целых три визита в лавку Бекаделли. Следом за ним визит нанес сам Козимо. Он

уже знал, почему Ринальдо выбрал именно этого ростовщика – Бекаделли переводил свою лавку из Пизы, чем-то не угодив местным властям. У такого можно брать без возврата. Пожалеть бы Бекаделли, но Козимо не было его жалко.

– Я хочу выкупить закладные синьора, который был у вас только что.

– Но я не собираюсь ничего продавать.

Не услышав в голосе ростовщика твердой уверенности, Козимо усмехнулся:

– Рискуете не получить совсем ничего. Человек, который берет в долг тайно, имея при этом собственную контору, едва ли пожелает огласки. Но огласка не нужна и вам. К тому же вы едва ли сможете вернуть деньги. Я выкупаю расписки за двойную стоимость.

– Но…

Глаза Медичи смотрели спокойно и внимательно. В голове Бекаделли мысли метались, словно мыши, застигнутые котом в кухне. Надежды, что Альбицци вернется за своими расписками, было мало, как и на то, что их можно предъявить к оплате без большого риска. Сам он собирался уезжать к родственнику в Неаполь и ждать долго не мог… А Медичи предлагал хорошие деньги…

На следующий день Козимо попросил Луку передать брату небольшую записку. Ринальдо усмехнулся, Медичи решил просить мира? Но, вчитавшись в строчки, написанные бисерным почерком Козимо, в гневе скомкал бумагу:

– Мерзавец!

– Козимо, почему мой брат был так зол, прочитав твое послание? Что ты написал?

– Что все его расписки, выданные тайно, у меня. И что если он не прекратит позорить имя Медичи, я предъявлю их вашему отцу к оплате.

– Откуда у тебя его расписки?

– Выкупил у менялы. Не лезь ты в это дело, просто знай, что на всякий язык есть свой нож.

Ринальдо Альбицци уехал из Пизы в тот же день.

Когда через неделю в Пизу прибыл Джованни де Медичи, Козимо серьезно забеспокоился. Неужели Альбицци придумал свою месть и отец приехал поэтому?

Но все оказалось проще, Джованни де Медичи назначили губернатором от Флоренции в вассальный город Пистойю. Он решил сначала проведать сына. Лоренцо, который увязался с отцом, рассказывал Козимо, что Ринальдо вернулся тихим, словно ягненок, и ни слова против Медичи за это время не сказал.

Джованни, уже слышавший о постоянных стычках между сыном и Ринальдо Альбицци, что-то заподозрил и потребовал рассказать все начистоту. Пришлось выложить расписки Ринальдо.

Это была немалая сумма, но Козимо жил в Пизе экономно и вполне мог позволить себе такие траты. И все же…

Изучив расписки и услышав подробный рассказ сына о том, как они получены и зачем были вообще нужны, Джованни несколько мгновений молчал, словно собираясь с мыслями. Козимо ожидал услышать настоящий разнос, а услышал:

– Ты понял главное, чему я тебя учил, – воевать нужно умом и золотом, а не оружием. А еще хитростью. Ты превзошел меня, Козимо. Как твой учитель в этих делах я должен быть счастлив, ибо нет большей радости для учителя, чем превзошедший его ученик. Запомни еще одно. Чем ты сильней, тем сильней будут твои враги и соперники. Давить их нужно безжалостно, но главное при этом – не потерять самого себя. Если когда-нибудь перед тобой встанет выбор – потерять душу или деньги, смело жертвуй деньгами. Золото можно заработать, испачканную душу не отмоешь.

Рослый мужчина в красной кардинальской мантии подошел к нему на улице. Все в этом человеке подчиняло собеседника с первых минут – темные, широко расставленные глаза с цепким взглядом, манера держаться властно, голос…

– Мне нужна встреча с вашим отцом, юноша. Вы ведь сын Джованни де Медичи?

– Да, – удивленно ответил Козимо.

Он знал, кто такой этот кардинал де Косса, кто же не знает фактического правителя курии? При папе Урбане Бальтазар Косса был его правой рукой, у следующих двух – помощником, а уж при нынешнем Александре непонятно, кто из них папа, а кто всего лишь кардинал. Говорили, что Косса не просто руководит всеми действиями папы Александра или придумывает за того новые буллы или налоги, но и содержит щедрого к своим племянникам и незаконнорожденным детям понтифика. Козимо помнил, что сам кардинал Косса держит деньги в банке Медичи. Возможно, потому ему нужна встреча с Джованни?

– Отец уехал по делам, но завтра вернется. Я скажу, что вы искали с ним встречи.

– Это то, что нужно! – Косса хлопнул Козимо по спине в знак согласия, да так, что тот едва удержался на ногах. Да уж, силы и задора ближайшему помощнику папы не занимать. – Только чтобы знали вы, он и я. Ясно? Медичи умеют держать язык за зубами, не так ли?

Сегодня Джованни де Медичи не вышел к посетителям, предоставив право принимать их двум толковым помощникам. У него новый, весьма необычный клиент – кардинал Косса. Вернее, клиентом Бальтазар Косса стал несколько лет назад, сразу как надел кардинальскую шапку, клиентом римского отделения и оставался, но тут вдруг пожелал побеседовать с Медичи вне конторы. Внимательные люди из числа соперников Медичи это заметили, но, как показало время, оценить по достоинству новость не сумели. А стоило бы…

Вообще-то, ничего удивительного в том, что клиент банка хочет поговорить с владельцем. Странность только в том, что к беседе не привлекли двух других партнеров, в том числе Бенедетто Барди. Это означало, что дело касается не

вкладов или кредита кардинала, а каких-то личных дел – его и Медичи.

Джованни ди Биччи велел позвать старшего из сыновей, пусть послушает. Догадывался ли старший Медичи, о чем пойдет речь? Вероятно, да.

Козимо двадцать один год, он разумен, проницателен и скор в принятии решений. А его увлечение рисунком и архитектурой – лишь увлечение. Пусть лучше рисует и пачкает руки углем, чем задирает подолы девкам и чужим женам с риском обрюхатить какую-нибудь или пострадать от руки ревнивого супруга.

Мысли Козимо де Медичи были далеко от кардинала Бальтазара Коссы и от папских дел тоже, под благословение подошел скорее по привычке. Кардинал посмотрел на Козимо внимательно, чему-то усмехнулся и кивнул сам себе. Это не укрылось от внимательного взора Медичи-старшего.

Конечно, речь пошла о деньгах, о чем же еще говорят в доме банкира его клиенты не из числа друзей? Но не о кредите или проценте по вкладу, нет – Косса честно признался Джованни ди Биччи, что… пришла его очередь стать папой римским.

Козимо с изумлением уставился на шумного, энергичного кардинала, с трудом удержавшись от нелепого вопроса:

– Кем?!

Если в мире и существовал человек, еще меньше подходивший для роли главы Церкви, то он был Медичи неизвестен. Козимо не столь наивен, чтобы верить в непогрешимость пап, сколько бы их ни было, как, впрочем, и кардиналов, но само намерение Бальтазара Коссы, бывшего пирата, растлителя и казнокрада, стать образцом для подражания верующим вызывало внутренний протест.

Вероятно, Бальтазар понял сомнения младшего Медичи, он усмехнулся, словно отвечая на не высказанное сомнение:

– Поверьте, юноша, остальные еще хуже, а я могу исправиться, к вящей радости Создателя, подав пример другим.

Это демагогическое обещание произвело впечатление на Козимо, он вопросительно взглянул на отца, но Джованни мало волновали благие намерения Коссы, он прикидывал в уме шансы на исполнение главной мечты – стать папским банкиром, то есть главным банкиром Италии. Эти шансы напрямую связаны с тем, станет ли Бальтазар Косса папой. Вернее, прикидывал Джованни, не рано ли Бальтазар затеял свое избрание.

И заботило Медичи только то, сколько денег потребуется кардиналу для подкупа своих сотоварищей. А также под какой процент давать явно немалую сумму.

– И для того, чтобы занять престол Святого Петра, мне нужны средства. Сами понимаете на что. Вы должны мне помочь добиться этого, а уж потом за мной дело не станет.

Косса произнес это почти весело. Его ничуть не смущала необходимость симонии – практически покупки папской тиары.

Козимо даже не успел осознать, что именно не так в этой фразе, а два взгляда – кардинала и банкира – уже схлестнулись. Нет, они не были противниками, но Бальтазар словно бросал вызов Медичи, а тот оценивал выгоду от вложения. В отличие от сына, Джованни де Медичи сразу понял, что Косса не просит кредит или в долг, он просто предлагает банкиру купить папский престол, обещая выгоду в будущем. Рискованно? Безусловно, можно потратить уйму денег и ничего не получить. Никаких гарантий, что подкупленные кардиналы проголосуют именно за Бальтазара Коссу. В этом мире вообще нет ничего надежного, но…

И вот это кардинал понимал не хуже Медичи: если денег не даст этот банкирский дом, завтра же нужную сумму на тех же условиях выложат Альбицци или римские банкиры, стоит только попросить. Косса слишком заметная фигура, он был правой рукой стольких пап, что знает, как стать следующим. Но если соперники получат преимущества папских банкиров, это для Медичи не только потеря больших средств и положения, но и прямой риск, причем риск смертельный…

Все прекрасно знали, как убирают неугодных папе людей, даже если эти люди далеко от него. Но можно не убирать, достаточно разорить или добиться

изгнания из города, что одно и то же.

– Я мог бы все это оплатить сам, но серьезно поиздержался, пока Святой престол занимал Александр V.

– Почему вы не позволили избрать себя папой в Пизе в прошлом году?

Бровь Бальтазара недоуменно приподнялась, словно он не ожидал столь явной непонятливости со стороны того, кому вверял свою судьбу.

Джованни осторожен, он пока не говорил ни «да», ни «нет», тянул время, размышляя. Действительно, почему Бальтазар Косса, которого еще в июне 1409 года могли выбрать папой в Пизе, предложил вместо себя миланского кардинала Петра Филарга, которого все считали исключительно образованным и порядочным человеком? Да потому, что не хотел подставлять себя под удары, которые непременно должны посыпаться на нового папу, самим своим появлением добавлявшего смуты в и без того неспокойную жизнь! Не станешь же всем и каждому объяснять, что Косса надеялся дипломатическими и не только усилиями заставить христианских правителей признать именно папу, избранного в Пизе, перед двумя другими.

Теперь этот вопрос был в большой степени решен, и Петр Филарг стал просто помехой. Не будь он столь слаб, можно еще подождать, но при сильном папе Бальтазар исполнял бы его волю, а не свою…

В общем, время замены пришло, ждать больше нельзя. Обжорство папы сыграло на руку, и теперь Бальтазару предстояла битва за престол Святого Петра.

Объяснять ничего не пришлось, хороший банкир должен быть не менее хорошим политиком, а Джованни ди Биччи де Медичи был прекрасным банкиром. Он все понял сам. Внимательно слушал, блестя большими темными глазами, и старший сын Джованни. Бальтазар даже залюбовался: а ведь этот юноша, кажется, тоже понял, в чем дело. Не зря отец берет его с собой на важные встречи.

В комнату вошел слуга с подносом, на котором стояли бокалы и большой графин с вином. В его присутствии разговор прекратился, но и после ухода кардинал не

стал отвечать на вопрос, потому что Джованни де Медичи кивнул:

– Я поеду в Пизу. Полагаю, золото нужно там?

– Да. – Глаза кардинала снова смотрели весело, он явно был рад, что не ошибся.

– Сколько?

В ответ Бальтазар Косса только развел руками.

Джованни повернулся к сыну:

– Если у тебя дела, можешь идти. Мы еще побеседуем. Прошу вас… – это уже будущему папе.

Козимо поспешил удалиться. Отец не стал напоминать ему о необходимости не болтать лишнего, зато беспокойно нахмурился Бальтазар. Одно дело понимать, другое – не проболтаться. Любое лишнее слово, сказанное молодым Медичи за кружкой вина или пива в таверне, может обернуться катастрофой.

– Стоило ли посвящать в наши дела юношу?

Медичи усмехнулся:

– Козимо никогда не скажет лишнего слова. Он банкир, хотя уверен в другом своем призвании.

– Каком?

– Мечтает стать архитектором…

Козимо действительно вовсе не желал заменить отца в семейном деле, намереваясь уступить такую честь младшему брату Лоренцо. Конечно, тот разгильдяй и ловелас, в свои пятнадцать прохода не дает всем мало-мальски хорошеньким девушкам, но с годами это пройдет. А вот ловок Лоренцо не меньше отца, пусть и не так хладнокровен.

Козимо почти сразу отвлекли от Бальтазара Коссы и отцовских дел собственные мысли, он поспешил в недостроенный собор.

Жарко…

Легкий ветерок не в состоянии разогнать горячий воздух и принести облегчение людям и животным.

В такие дни у всех одно желание – оказаться где-то в тени у воды или в комнатах, защищенных от солнца, но хоть немного продуваемых. Но мало кому удается, кто-то вынужден работать в поле, кто-то – нести дозор под палящими лучами, кто-то – и вовсе стоять у жаркой печи, выпекая хлеб или жаря мясо…

А некоторые мучились добровольно.

– Фьора, где графиня?

– Наверху. Они волосы сушат… – Служанке не удалось спрятать насмешку, прозвучала-таки в голосе.

Флорентийки поголовно желали иметь волосы цвета запутавшегося в них солнца, но далеко не у всех имелось хоть что-то похожее. Потому еженедельные мучения в виде долгого пребывания на солнце в самую жару, да еще и с волосами, намазанными жгучим составом для обесцвечивания, были нормой.

Мать юной Контессины Камилла де Элси вдова Алессандро де Барди со своей старшей дочерью Изабеллой действительно мучилась на жарком летнем солнце на крыше дома. Дамы полулежали, стараясь не шевелиться, чтобы их широкополые соломенные шляпы без дна не сдвинулись и состав не протек на шею и лоб. Смазанные волосы были заботливо разложены служанками по полям шляп, чтобы солнце прогревало их равномерно. Одна из служанок, Мария, то и дело отирала пот со лба хозяйки.

Контессина прекрасно понимала, что говорить о чем-либо, тем более просить у матери простое разрешение пойти завтра на воскресную службу в церковь Сан-Лоренцо не с ней и сестрой, а с подружкой Франческой и ее семьей, не стоило.

Донна Камилла была слишком измучена жарой, жжением кожи на голове и особенно медленно тянущимся временем, чтобы соглашаться даже на то, противиться чему не имело смысла. Всем флорентийкам известно, что стоит намазать волосы и сесть на солнце, как часы непостижимым образом замедляют свой ход! Какое уж тут благодушие?

Перед матерью и дочерью на столике стояли фрукты на блюде и большущие песочные часы. Изабелла была едва жива от жары, но просить мать о снисхождении не смела. Ей вскоре предстояла свадьба с собственным двоюродным дядюшкой, что делало бедолагу совершенно несчастной – Франческо был почти втрое старше невесты, некрасив и даже плешив, но он был графом Элси и не нуждался в большом приданом будущей жены. А что увезет супругу далеко от дома, так никто из замужних дочерей не остается с родителями на всю жизнь!

Контессина с жалостью посмотрела на старшую сестру, вернее, на ее распущенные волосы. Обесцветить волосы Изабеллы невозможно, они слишком темные и от солнца и жгучего средства станут ломкими, тусклыми и серыми. К чему тогда мучиться?

К счастью самой Контессины, ей такое пока не грозило – слишком юна, чтобы морить себя сидением на солнце. Донья Камилла сама не была ни блондинкой, ни брюнеткой, ей удавалось высветлить свои волосы до того самого противного серого цвета, потом их несколько раз мыли разными средствами, добавляющими рыжины, но через пару недель отросшие корни волос начинали предательски демонстрировать настоящий цвет, и все начиналось сначала.

Никто из флорентиек не мог бы объяснить, зачем им нужны светлые волосы, но все упорно мучились, добиваясь этого. Бабушки красавиц еще помнили времена, когда каждое утро и вовсе начиналось с бритья волос надо лбом, чтобы тот выглядел больше, а вечер при свете пламени камина заканчивался выщипываем появившихся вновь. После их рассказов сидение на жарком солнце не казалось таким уж мучительным.

Но Изабелла мучилась. Впрочем, ее мать тоже.

И Контессина решила схитрить. Она заметила, что песка в верхней части часов заметно больше, чем в нижней. Этим следовало воспользоваться… Девочка

встала перед матерью, заслонив собой часы, и принялась излагать свою просьбу. Контессина стояла против солнца, потому наблюдать за ее действиями донья Камилла не могла. Подождав, когда Мария в очередной раз примется промокать лоб и шею хозяйки платочком, девочка за спиной ловко перевернула часы и подмигнула сестре, которая почему-то в отчаянье замотала головой, рискуя уронить шляпу.

Как и следовало ожидать, донья Камилла отказала младшей дочери в такой мелкой просьбе, потом разозлилась на старшую из-за ее долгих (слишком долгих и никчемных!) расспросов о будущем супруге, из-за которых они едва не пропустили минуту, когда следовало смыть состав с волос. И служанки замешкались, уверяя, что прошло слишком мало времени!

Но главный гром грянул, когда оказалось, что волосы приобрели зеленоватый вместо рыжеватого оттенок! Мария утверждала, что из-за того, что смыли слишком рано.

– Что-то с часами, донна Камилла. В кухне даже не успели нагреть достаточное количество воды.

Графиня кричала, что это из-за лени кухонных слуг и нерасторопности самой Марии, но потом задумалась. Ей тоже показалось, что на сей раз время не тянулось бесконечно.

Несчастная Изабелла, волосы которой тоже пострадали, в конце концов призналась в проделке сестры. Конечно, это вызвало новый приступ сумасшедшего гнева со стороны их матери. Контессина не только не пошла в церковь с подругой, но несколько дней просидела взаперти в душной комнате. Только предстоящая свадьба Изабеллы спасла ее от более сурового наказания.

Донне Камилле и Изабелле потребовалось немало терпения, а служанкам усилий, чтобы привести в порядок пострадавшие волосы, а Контессина дала себе слово никогда не осветлять свои собственные:

– Да пусть хоть камни с неба падают!

Это было очень верное решение, но не из-за камней, а потому, что волосы десятилетней Контессины были цвета воронова крыла и отливали на солнце так,

словно смазаны маслом. А еще они вились. То, чего другие девушки и женщины добивались ценой невероятных усилий и многочисленных ожогов из-за горячих щипцов, дочери графини природа подарила сполна. После мытья головы служанка просто разбирала ее кудряшки на отдельные пряди. Высохнув, они сами собой превращались в тугие локоны.

Но это не ценилось…

Свадьба старшей племянницы банкира Бенедетто де Барди Изабеллы ди Алессандро во Флоренции прошла по доверенности. Представлявший жениха его друг Ипполито Орсини был полон сознания собственной важности из-за принадлежности к знаменитому древнему роду, словно это лично он делал одолжение Барди, беря замуж Изабеллу. И ничего, что Ипполито относился к боковой ветви Орсини, а сами аристократы не слишком жаловали небогатого дальнего родственника.

Глядя на зазнайку, Контессина дала себе слово, что никогда не согласится стать женой аристократа, как бы ее ни заставляли. Франческа, услышав такую клятву, рассмеялась:

– Кто тебя будет спрашивать?

Но это мелочи, даже саму свадьбу Изабеллы затмило признание Франчески, которое та сделала Контессине:

– Я влюбилась!

– Что?! В кого?!

Франческа старше подруги на целых четыре года, она уже девушка и вполне могла позволить себе влюбиться и выйти замуж, да и просто быть с мужчиной тоже могла.

– В Козимо де Медичи. Он старший сын Джованни де Медичи, знаешь, такой невзрачный старикашка-банкир.

– Старикашка? Я знаю Джованни де Медичи, он партнер моего дяди. Он не старикашка…

– Это все равно! Я же не в него влюбилась, а в его сына.

Франческа показала братьев де Медичи Контессине:

– Смотри, вон они. Нравится?

Честно говоря, Козимо не произвел на Контессину никакого впечатления, он, как и отец, был невысок ростом, довольно щуплый, разве что глаза блестели каким-то загадочным светом.

– А это его младший брат Лоренцо, он старше меня на год, – продолжила просвещать подругу Франческа.

Лоренцо был выше и симпатичней брата, но с первого взгляда понятно, кто в этой паре главный…

Козимо по лицам подружек взглядом лишь скользнул, а вот Лоренцо задержался на рдеющих щеках Франчески.

– Какая красавица! Ты чья?

– Ну уж не твоя! – фыркнула оскорбленная таким поворотом Франческа.

В другой раз Лоренцо ни за что не пропустил бы девушку, несмотря на юный возраст, он славился своими похождениями, но Козимо позвал брата, и Медичи ушли.

– Вот, видела? Лоренцо подошел бы тебе, – вдруг объявила Франческа. Заявление подруги почему-то возмутило Контессину:

– Зачем мне нужен этот любитель подолов?

– Кто?

Контессина и сама не могла бы объяснить, почему так назвала Лоренцо де Медичи, наверное, вскользь слышала такую характеристику юноши и запомнила.

Сама младшая дочь Камиллы де Барди графини Вернио ни Лоренцо, ни тем более Козимо заинтересовать не могла. Ей было всего десять лет, сыновьям Джованни де Медичи – двадцать один год и пятнадцать.

Контессина тоже довольно скоро забыла бы Медичи, но безответно влюбленная Франческа своими страданиями напоминала ежедневно. Контессина недоумевала:

– Чем тебе нравится этот Козимо? Не так уж он и хорош…

– Он умный. Знаешь, какой он умный и образованный! У него такие лучистые глаза…

В глаза Козимо Контессина не заглядывала, потому сказать о них ничего не могла, но влюбленности старшей подруги все равно не понимала. Ни героической внешности, ни высокого роста, ни роскошного наряда… Сын банкира… Что-то незаметно, чтобы эти Медичи были богаты, одеты всегда как простые горожане, свиты даже Джованни де Медичи не имел, а уж его сыновья – тем более. Мать Контессины Камилла де Барди высказалась резко и коротко:

– Скупердяи!

Но ни Контессину, ни Франческу такие мелочи не волновали по двум причинам: обе были младшими дочерями в своих семьях, а значит, получали все в последнюю очередь, к тому же когда это столь юные особы задумывались над вопросом, откуда берутся деньги? Для десятилетней Контессины все просто и ясно: из кошелька! А влюбленной Франческе все равно, полон или пуст кошелек обожаемого ею Козимо. С милым рай и в шалаше, а представление о рае у девушки ограничивалось прекрасным садом и объятьями возлюбленного.

Изабелла уехала к своему супругу, и Контессине невольно пришлось повзрослеть. Ее матери было скучно в одиночку бороться за свою красоту, потому Камилла держала дочь рядом. Контессине скоро нужно искать супруга,

это очень важно, тем более приданое девочки весьма условно – большой старый дом на южном берегу Арно, требующий ремонта. Овдовев, Камилла перебралась в дом Бенедетто, чтобы экономить, а их прежний пустовал и ветшал с каждым годом. Была надежда и на то, что Бенедетто де Барди даст приданое племяннице, живущей у него в доме.

Он дал кое-что Изабелле, теперь пришла очередь Контессины очаровывать дядю. Потому Камилла нередко наставляла дочь в том, как быть приветливой и милой, не перечить, но чаще обращать на себя внимание и намекать на свое сиротство.

Камилла ворчала даже из-за того, что Барди стал партнером «этого Джованни де Медичи, у которого отец содержал меняльную лавку и пас овец».

Про овец – ерунда, хотя мастерские у Медичи имелись. А вот о лавке – правда. Когда Барди были в силе и богатстве, с Медичи мало кто вообще считался во Флоренции. Они были середнячками и могли сколько угодно рассказывать, что шары на гербе – в честь следов от удара палицей неведомого великана, которого победил рыцарь Аверардо, мифический предок семьи. Нет, правы те, кто считает эти кружочки пилюлями или банками для кровопускания, недаром у нынешнего банкира фамилия врачевателя.

Только после большого кризиса и Черной смерти, когда все три самых крупных банкирских дома Флоренции разорились, Медичи стали заметны.

Если честно, они того стоили. Джованни ди Биччи де Медичи не просто умен, у него деловое чутье на то, куда вкладывать деньги. У Барди тоже чутье, но положение заставило банк кредитовать правителей, а это всегда было чревато крупными неприятностями. Отец учил Бенедетто, что те, кто на самом верху власти, слишком часто разоряются из-за проигранных войн, отказываясь возвращать долги, страдают «забывчивостью», протестовать против которой опасно для жизни их кредиторов, или попросту умирают раньше времени не по своей воле.

Учить-то учил, но сам оказался вынужден сделать то, от чего предостерегал сына. Богатейшие флорентийские семьи Барди, Аччайуоли и Перуцци ссудили очень крупной суммой английского короля Эдуарда, а тот взял и объявил себя и

Англию банкротами! Как сумели при этом ничего не потерять Медичи, для всех оставалось загадкой. Просто один из Медичи ссудил короля чуть раньше и получил обратно свое золото из тех самых займов, которые Эдуард не вернул другим. После этого Медичи остались в стороне, а остальные разорились – сначала Аччайуоли и Перуцци, а потом и Барди. Нет, конечно, на жизнь имелось кое-что, но именно «кое-что». О блестящем состоянии пришлось забыть.

Несмотря на протесты родных, Бенедетто Барди решился войти в долю к Джованни де Медичи, когда тот, получив в наследство от дяди семейный бизнес, превратил римское отделение банка в самостоятельную структуру. У Джованни была мечта – стать банкиром самого папы, видно, он хорошо знал, какие суммы крутятся в Риме, но желающих заполучить папские деньги слишком много и без Медичи.

И вот теперь этот Бальтазар Косса!

Поддерживать притязания бывшего пирата на папский престол!..

– Где синьор Козимо?

– В соборе, синьор Медичи. – Карло произнес это так, словно хотел добавить: где же ему еще быть?

Да, Козимо просиживал в недостроенном соборе часами. Этот собор – боль всех флорентинцев, когда-то горожане решили построить нечто необыкновенное, не хуже римских, строительство начали, но потом грянули непростые времена, разорение нескольких богатейших семей, Черная смерть, выкосившая две трети города, упадок торговли и производства… К тому времени, когда Флоренция немного пришла в себя, начинавшего строительство ди Камбио давно не было в живых, кто только после него не строил Санта-Марию дель Фьоре! Менялись архитекторы и члены Совета Флоренции, жертвователи и рабочие… Горожане, кажется, уже привыкли к стенам без крыши, даже улица вдоль будущего собора называлась просто: «вдоль фундамента». Но у всех была мечта: увидеть его под красивым куполом.

Видеть «дырявый» собор было больно каждому флорентинцу. Однако денег не находилось, как не имелось и архитектора, готового взяться за столь трудное

дело. Честно говоря, никто не был уверен, что и Арнольфо ди Камбио имел проект купола, кроме разве общего рисунка. Если и имел, то унес тайну с собой в могилу, а повторить или создать заново этакое не под силу нынешним архитекторам.

Козимо не раз бывал в незавершенном соборе с учителем, частенько заходил сюда и сам.

Джованни де Медичи отмахнулся от охраны, взяв с собой только Карло.

– Кому я нужен? Золота с собой не ношу, грабить нечего…

Это было правдой – один из богатейших людей богатейшего города выглядел скромно, его богатство не блестело золотом на его шее, не искрилось драгоценными камнями на его пальцах или конской упряжи, как у других. Его золото работало, принося другое золото, чтобы то, в свою очередь, приносило еще…

Сына Джованни нашел рисующим очередной вариант купола. Медичи взял один из листков, поднес ближе к глазам (ему полсотни лет, стал хуже видеть). Да, у Козимо определенно есть способность к рисованию…

– Но зачем столько почти одинаковых рисунков?

Козимо не удивился вопросу, покачал головой:

– Они не одинаковы, немного отличаются. Я пытаюсь понять, на что можно опереть купол, чтобы верхушка не рухнула внутрь.

– Хочешь стать архитектором?

У Джованни де Медичи цепкий, пронзительный взгляд, но сына эти глаза не пугали никогда. Своих глаз не отвел, спокойно ответил:

– Нет, мне больше нравится рисовать. Но я мечтаю подарить Флоренции достроенный собор.

– Я тоже. Но иначе, чем ты. Медичи не архитекторы, потому завершить строительство не могут, но мы можем найти того, кто это сумеет сделать, и оплатим его работу.

– Вы знаете такого человека? – Глаза Козимо заблестели от возбуждения.

– Пока нет. Мало того, ни я, ни ты, – Джованни кивнул на разложенные по полу листы с зарисовками и схемами, выполненные рукой сына, – даже не понимаем толком, что же должно получиться. Для этого нужно в Рим, там есть на что посмотреть. Это я хотел тебе сказать. Собери рисунки, пойдем, нам некогда.

По дороге домой он объяснил Козимо:

– Я не зря позвал тебя на вчерашнюю беседу с Коссой. Мы поедем в Пизу, чтобы сделать его тем, кем он мечтает стать.

– Папой?! – невольно ужаснулся Козимо. – Он же прохвост и пират!

– Пират он бывший, а прохвост наш. Помнишь, я говорил о своей мечте? Пришло время ее исполнить…

– Его не выберут.

– А вот это уже наше с тобой дело. Потому и отправимся к кардиналам.

– Подкуп? – осторожно прошептал юноша.

– Козимо, я многое расскажу тебе, но не здесь, не на улице Флоренции, а по пути в Рим. Лоренцо еще слишком юн, чтобы знать о многих темных сторонах жизни, а тебе пора с ними знакомиться.

Козимо нахмурился:

– Это обязательно?

– Что, поездка или знакомство?

– И то и другое.

В голосе Козимо слышалось почти отчаянье. Джованни нахмурился: умный, рассудительный, скорый на решения Козимо явно не желал идти по стопам отца, это было обидно. Медичи так старался расширить дело, разбогатеть, чтобы оставить сыновьям хорошее состояние, чтобы им не пришлось думать о каждом потраченном флорине, а Козимо все равно.

– Хорошо, давай договоримся. Ты будешь руководить римским отделением банка и одновременно изучать все, что тебя заинтересует, там есть на что посмотреть, там есть художники и скульпторы. А заодно присмотришь за Коссой, если его изберут, конечно.

Козимо не нашел что возразить. Похоже, юность закончилась, наступила зрелость.

В мире дробилось и множилось все – империи распадались на отдельные королевства, королевства, в свою очередь, превращались в герцогства или города-государства, множились даже папы.

Климента, избранного в Авиньоне, поддерживали парижские богословы, Григория – неаполитанский король, эти двое с завидной регулярностью предавали анафеме друг друга, а заодно и всех, кто поддерживал соперника, и обещали встретиться, чтобы… да, каждый клялся, что готов отречься, если отречется другой. Казалось бы, чего проще – вместе отречься, но пока два проклятых друг другом папы кормили христиан лишь обещаниями, выискивая все новые и новые поводы, чтобы отложить исполнение обещания. То не устраивало место встречи, то не прислали корабли, то пугала эпидемия, то вмешивалось собственное нездоровье, то беспокойство за свои земли или нападение соседнего короля… Зимой ехать было холодно, осенью слякотно, летом жарко, а весной много дел и без встречи с соперником…

Такое положение не устраивало никого, кроме самих пап, вцепившихся в свои кормушки руками и зубами.

Когда год назад умер авиньонский папа Климент (какой подарок римскому папе Григорию!), казалось, все разрешилось само собой. Но в Париже так не думали,

богословы Парижской Академии немедленно избрали нового – Бенедикта. Он подходил на эту роль не больше предшественника, хотя Григория анафеме не предавал и встретиться с ним не обещал. Противостояние продолжилось.

Тогда Косса и решил, что пришло его время.

Собрав ведущих богословов в Пизе, Бальтазар обескуражил их предложением объявить двух других пап лишенными сана и избрать единственным грека Петра Филарга. Это предложение выбило почву из-под ног противников, которые предполагали, что Косса станет рваться к власти сам. К тому же Филарг был самым безобидным из собравшихся на конклав в Пизе кардиналов, он далеко не молод, нерешителен, попросту слаб, и обладал всего двумя существенными недостатками – излишней заботой о своих многочисленных отпрысках, называемых «племянниками», и любовью к вкусной еде. К счастью, его отпрыски не были честолюбивы и не рвались к власти или кормушке, довольствуясь тем, что перепадало, а обжорство Филарга разорить курию не могло.

Прекрасный компромиссный вариант утвердили единогласно, сам новый папа, взявший имя Александр V, трясся от страха и готов был подчиниться Коссе во всем.

Целый год Косса мотался по Апеннинскому полуострову (исключая Неаполитанское королевство, разумеется) и прилегающим государствам, договаривался с герцогами и главами монастырей, главами республик вроде Флоренции или дожей Венеции, убеждал позволить торговать индульгенциями, организовывал паломничества, юбилеи, наконец, освобождал от неаполитанцев Рим! Он готовил Италию – нет, не для Филарга, тому достаточно вина, еды и девочек, на которых старик мог лишь смотреть, готовил для себя.

И сделал бы это, но…

Обжорство, особенно в пожилом возрасте, до добра не доводит. От чего умер папа Александр, был ли отравлен или просто случилось несварение желудка? Никто тогда не обвинил Коссу, все прекрасно понимали, что власть все равно в его руках, а надевать папскую тиару на собственную голову рановато. Но не сделать это теперь значило упустить престол Святого Петра совсем. Второго Филарга в запасе у Коссы не имелось.

И он решил, что время пришло.

Но если год назад Коссу избрали бы несомненно, то теперь и кардиналы собрались другие, и цену заломили гораздо большую.

– Хорошо хоть, на Собор приехали всего семнадцать кардиналов, будь их три десятка, мы бы разорились, – ворчал Джованни де Медичи. И был прав, неуемные аппетиты членов конклава грозили обесценить всю будущую выгоду от победы Коссы за Святой престол.

Козимо чувствовал себя отвратительно, оставалось одно желание: чтобы все это поскорей закончилось. Ему надоела Пиза, хотелось домой во Флоренцию.

До конклава несколько дней, а следовало заручиться поддержкой двух кардиналов, кичившихся своей неподкупностью или, что вероятней, уже получивших вознаграждение от соперников Коссы. Сколько же нужно предложить этим двоим?

– Четверо вполне могут поступить подло, проголосовав против меня. Плюс эти двое… Даже подкуп ныне ничего не гарантирует. Золото берут, но слова не держат, – ярился Бальтазар.

Джованни де Медичи усмехнулся: кто бы говорил! А Козимо осторожно поинтересовался:

– Обвинения в чем боятся кардиналы?

– Не понял…

– Каких обвинений боятся кардиналы, которых нужно приструнить? Вместо золота можно использовать шантаж.

– Ничего они не боятся. Ересь – слишком громко и опасно… Разврат?.. Кто ему сейчас не подвержен… К тому же обвинять нужно в том, в чем не грешен сам, иначе пострадаешь первым.

– А содомия?

– Это да, только их любовники давно перекуплены и рта не раскроют. А без доказательств лучше не обвинять.

– Не надо обвинять, достаточно, чтобы они знали, что вы можете это сделать.

Глаза Бальтазара Коссы прищурились, а бровь Джованни де Медичи изумленно приподнялась – вот тебе и тихоня Козимо!

Но это оказалось не все…

Оглядев аппетитные ягодицы двух красавчиков, которых через пару часов привел Козимо, Косса крякнул:

– Я бы и сам не прочь ими воспользоваться…

– Ваше дело сейчас – устроить так, чтобы оба попали на глаза и в постель к нужным людям, – напомнил Козимо.

Он раздобыл двух юношей, уже вкусивших прелести мужской любви, но еще не известных любителям этой забавы, заполучив тех в художественной мастерской. Всем пришлось прилично заплатить – и наставнику, и моделям, и остальным, чтобы пока молчали, но эта плата не шла ни в какое сравнение с потраченными на кардиналов суммами. Узнав о расходах, Джованни ворчливо поинтересовался:

– Ты не мог догадаться до этого раньше?

Юноши попали на глаза кому надо, и в постели тоже попали, пропустить аппетитные ягодицы новеньких у обоих кардиналов не достало сил. Один из любовников – бедолага Жан – жаловался:

– Этот ваш кардинал настоящий жеребец, даром что старый. Я теперь полмесяца сидеть не смогу ровно.

Козимо похлопал его по спине:

– Ты выполнил все, что нужно, теперь нескоро придется подставлять свой зад.

– Ему же?!

– Это будет зависеть от тебя. Мне нужно, чтобы вы с Джеромо всего лишь постояли рядом недолго.

– А это зачем? – удивился уже Джованни.

– Коссе не придется угрожать кардиналам раскрыть их тайну, даже говорить ничего не придется, если они увидят Жана и Джеромо рядом с нами.

Отец ахнул:

– Козимо, ты превзошел даже меня!

– Просто я хочу скорей отвязаться от всей этой грязи.

– Боюсь, сын, что грязь основа нашей жизни. Но ты молодец! Даже я до такого не додумался.

Они так и поступили.

Процессия кардиналов, шествующих во дворец на конклав для избрания нового папы, растянулась – никто не хотел идти, наступая на пятки предыдущему, все так или иначе постарались отстать и медленно, с отрешенным видом вышагивали практически поодиночке.

Их отсутствующий вид никого не мог обмануть.

Жан, заметив своего мучителя, попытался спрятаться за спиной Козимо, но тот зашипел:

– Нет, он должен тебя увидеть!

Сначала взгляд кардинала лишь скользнул по любовнику и следом по Козимо, потом метнулся от одного к другому. Медичи-младший поклонился, насмешливо глядя на жертву своей хитрости. Бедолага даже приостановился, Козимо ткнул Жана в бок, и тот неловко крикнул:

– Мы надеемся, что вы сделаете верный выбор!

Буквально втянув голову в плечи, кардинал поспешил во дворец, ему было уже не до величавой походки…

Со вторым повторилось примерно то же, только вперед вышел Джеромо, пославший любовнику воздушный поцелуй. Кардинал едва не свалился замертво, пришлось немедленно убрать перестаравшегося юношу.

Обоих «помощников» щедро наградили, напоили до беспамятства и уложили спать под хорошей охраной. Пока дело не завершено, отпускать их рано. Договорились при необходимости отправить юношей прислуживать кардиналам за обедом.

Этого не понадобилось, оба намек поняли и проголосовали «как надо».

17 мая 1410 года Бальтазар Косса был избран новым папой – Иоанном XXIII. Позже его назовут антипапой и все отменят, а через полтысячелетия это имя возьмет себе другой понтифик…

Через неделю состоялось возведение нового (уже третьего, помимо Бенедикта и Григория) папы на престол Святого Петра. Вернее, сам престол оставался в Риме, а Рим – под властью неаполитанского короля Владислава, который предпочитал Григория. С предыдущим папой, Григорием XI, король то ссорился, и тогда папа предавал его анафеме, то мирился, тогда анафема снималась, но в Рим не пускал. Это оставляло Коссе надежду договориться и с королем Владиславом, и с парижскими богословами, поддерживающими папу Климента в Авиньоне.

Позже Генрих Наваррский, будущий король Франции Генрих IV, кстати, женатый первым браком на дочери Екатерины Медичи Маргарите (королеве Марго), а вторым – на Марии Медичи (матери короля мушкетеров Людовика XIII), произнес сакраментальную фразу:

– Париж стоит мессы.

Бальтазар Косса, ставший папой Иоанном XXIII, вполне мог сказать нечто похожее о Риме. Рим стоил любых жертв, не говоря уж о денежных.

– А мне обязательно уезжать?

Козимо с удивлением посмотрел на Жана:

– Нет, ты можешь продолжать здесь жить и работать. Никто тебя ни в чем не обвинит.

– А… с кардиналом можно встретиться?

– Ты же говорил, что он жеребец?!

– Но… лучше богатый жеребец-кардинал, чем нищий лавочник или монах. Хоть деньги будут. К тому же он защитит от обвинений…

Козимо покачал головой:

– Думаю, он будет теперь сторониться тебя.

Жан вздохнул:

– Жаль.

Пришлось придумывать, как вернуть доверие кардинала. Козимо смеялся:

– Вот уж не думал, что за неделю дважды придется затаскивать любовника в постель кардинала. Впрочем, не такая уж непосильная задача.

Конечно, не все были согласны с избранием бывшего пирата и известного распутника.

– Престол Святого Петра был попросту куплен вами!

От злого возбуждения кардинал даже брызгал слюной. Но столь сильная ярость ничуть не смутила нового понтифика, Косса, вернее, теперь уже папа Иоанн спокойно отер рукавом капельку со своего одеяния и насмешливо поинтересовался:

– Вы предпочли, чтобы он был куплен вами?

И, не глядя на обомлевшего соперника, спокойно прошествовал дальше.

Козимо подумал о том, что, начни Косса спорить, грозить или просто оправдываться, получилось бы куда хуже. Что ж, хороший урок на будущее – даже если ты виновен, не оправдывайся.

– Тебя ужасает, что ты участвовал в этой игре, называемой выборами папы?

Если бы вопрос задал отец, Козимо не удивился. Джованни де Медичи знал о неприятии всего, в чем они участвовали в последние недели. Но спросил Косса, вернее, теперь папа Иоанн. Козимо насторожился: неужели его недовольство так заметно, что даже Косса разглядел? Это плохо, по лицу банкира ничего нельзя прочитать, иначе ему грош цена. Отец был бы недоволен…

А Косса продолжил:

– Я догадываюсь, что ты должен испытывать и думать. Мы не лучше, но и не хуже других. Все покупают и продают. Все и всё, мы лишь оказались самыми ловкими.

Не зная, что ответить, Козимо лишь коротко кивнул. Глаза у папы Иоанна цепкие, не спрячешься…

– Козимо, я служил папе Урбану, не забывай. Хуже придумать трудно. То, что я видел тогда…

– Все было так ужасно?

Бальтазар вздохнул:

– Ужасно? Нет, это ад на земле. Люди молили только об одном – о скорейшей смерти. Если кто и знал толк в пытках, то это Урбан.

– И вы при этом называли его Святым отцом?

У Козимо даже голос дрогнул. Их с отцом занятие ростовщичеством считается смертным грехом, а тут он о папе слышит такое!.. Есть ли что-то святое в этой жизни?

– Чтобы сесть на этот престол, нужно что угодно, кроме добродетели?

Вырвалось нечаянно, но Коссе понравилось, он даже расхохотался:

– Только кардиналам этого не говори. А еще моему Дитриху фон Ниму, а то он непременно запишет. – Вдруг вмиг стал серьезен. Такие переходы пугали Козимо, не хотелось бы видеть сталь в только что бывших веселыми глазах. – Пути Господни неисповедимы, нам не дано знать, почему Он позволил случиться чему-то, почему кто-то стал кем-то. – И тут же без всякого перехода подмигнул: – Раве только мы сами это устроили.

Козимо не понимал, что за человек перед ним.

Распутник, каких свет не видывал, давным-давно любил одну женщину – Иму. Има была замужем, о любви и бесконечных изменах Коссы знала, но также любила в ответ и готова была отдать свою душу, если бы понадобилось возлюбленному. Об этом Козимо рассказал Поджо Браччолини, которого папа Иоанн пригласил к себе секретарем.

Има красивая, хотя уже немолода, умная и верная. От нее можно ожидать любви, такой, какая очищает и облагораживает. Но Бальтазар…

Косса не чурался симонии, готов был продать или купить душу, если бы только цену назвали подходящую, но при этом носил на груди ладанку с…

– Палец Иоанна Крестителя. Тот самый, который он вверх поднимал.

В ладанке была косточка фаланги. По тому, как бережно, почти истово обращался с реликвией Косса, Козимо понял, что это настоящее.

– Он меня от смерти не раз спасал.

А рядом на шее висел простой крестик.

– Крестильный?

– Этот? Нет, паломница подарила. Из тех, что в белых одеждах ходят.

Козимо слышал о таких. Когда приближался какой-то юбилей, Европу наводняли паломники. Эти люди в белых одеждах проходили пешком большие расстояния, мерзли и мокли, голодали и спали на голой земле, только бы в нужный день оказаться в Риме или у святыни и получить прощение грехов и благословление от самого папы. Они истово верили, что стоит прикоснуться к мощам, к воде святого источника или просто увидеть крестное движение руки папы, и грехи будут прощены, исцелится душа, наступит светлый день в их жизни. Им помогали по дороге, давали хлеб и кров, просили помолиться за всех… Но сами следом не шли, оставались дома, в глубине души завидуя решимости других все бросить и пойти по зову души.

Косса внимательно посмотрел на крест, о чем-то подумал и изрек:

– Юбилеи надо устраивать почаще.

Он умел из всего выжать деньги. Возможно, это роднило его с Медичи?

После Собора в Пизе прошло совсем немного времени, и новый папа объявился во Флоренции. Приехал не просто так, а к Медичи.

Джованни и объяснять нечего, Иоанну XXIII нужны деньги, много денег. Потому он просто поинтересовался:

– Сколько?

– Сто тысяч флоринов.

Медичи даже отвечать не стал, слишком нелепой была названная сумма. Это две трети всего дохода банка, даже самые щедрые поступления не покроют такой расход.

– Хорошо, – согласился Косса, – можно меньше, пять тысяч я внесу сам.

Козимо прекрасно понимал сомнения отца, они касались не только размеров самой суммы, Джованни опасался, что Медичи превратятся для нового папы в дойную корову, какими стали когда-то Барди и Аччайуоли для английского короля. Их печальный опыт многому научил банкиров всей Европы.

– У меня нет таких денег, Святой отец.

– Нужно найти, – помрачнел Иоанн. – Без выкупа я связан по рукам и ногам. Не отдавать же неаполитанцу братьев и племянника?

– Вам нужны средства на выкуп?

– Да, эти идиоты умудрились попасть в плен. Если нужен залог, я дам. Хоть вон тиару.

Заложить один из символов папской власти? Даже ради выкупа родственников из плена такое едва ли возможно.

Но Бальтазар Косса так не считал. Для чего еще папская власть, как не для того, чтобы ею пользоваться? Для него тиара скорее богатый головной убор, щедро

украшенный бриллиантами, сапфирами, изумрудами… Смешно, но если Косса не вернет эти средства, то придется попросту выковыривать драгоценности, целиком продать эту красоту просто невозможно.

Джованни де Медичи не задумывался над возможностью испортить тиару, рассчитывая долгом просто привязать к себе беспокойного понтифика, а деньги вернуть с помощью их давней тайной задумки.

В те времена знатных и состоятельных противников на поле боя старались не убивать, а брать в плен. С убитого что возьмешь, кроме его доспехов, а вот пленного можно освободить за хороший выкуп. Пленение людей при деньгах и титулах было неплохим средством пополнения своего кошелька.

Самым известным и значимым пленником лет через сто стал французский король Франциск, попавший к императору Священной Римской империи Карлу V в битве при Павии. Горя с царственным узником бедолага Карл хлебнул полной ложкой. Франциск сделал все, чтобы отравить триумф победителю. Якобы чтобы собрать необходимый выкуп, он договорился о замене своей тушки на своих двух сыновей, письменно обещал жениться на сестре Карла Элеоноре и одновременно попросил помощи у Османской империи.

Едва вернувшись в Париж, Франциск по-рыцарски от всех договоров отказался, заявив, что принцев Карл может оставить себе, а его сестра в качестве супруги французского короля не прельщает.

Позже Карл принудил короля жениться, приравняв выкуп за него к приданому сестры и вернув принцев во Францию. Но турки, получив столь желанное «приглашение», на запад уже двинулись. Расхлебывать деяния Франциска пришлось всей Европе.

Это к тому, что брать в плен королей не стоит, особенно таких, как Франциск, которые хозяева своему слову по принципу: сам дал, сам и обратно возьму. Кстати, Карл пообещал лично лишить Франциска мужского достоинства, если тот не выполнит своего обещания жениться на Элеоноре. Если это и испугало французского короля, то не принесло самой Элеоноре ничего хорошего. Жену Франциск не ставил ни во что, как и первую, благодаря которой получил сам престол. Любовницы Франциска сидели на месте королевы рядом с ним на троне и получали все положенные Элеоноре почести. С того и повелось… Младший сын

Франциска Генрих II, женатый на Екатерине Медичи, открыто предпочитал ей любовницу Диану де Пуатье, а следующие короли и вовсе не заморачивались такой нагрузкой, как супруга.

Косса просчитался, к тому времени, когда в Неаполь были отправлены те самые девяносто пять тысяч флоринов, его братья уже нашли свою смерть в темнице неаполитанского короля. Удалось спасти только племянника.

А вот Рим не удалось. Этот город много лет был разменной монетой королей и герцогов. Без сильной власти Рим не выдерживал малейшего натиска и то и дело разорялся то неаполитанцами, то приходившими им на смену герцогами. Пожалуй, спасло город только падение неаполитанской династии, после короля Владислава следующая королева Джованна с трудом удерживала власть в собственном королевстве.

Но тогда Владислав еще был жив и силен. Он снова захватил город и снова отдал его на разграбление – обычай всех победителей. Грабить было особенно нечего, все давно ограблено. Папа Иоанн бежал во Флоренцию, а вот Козимо Джованни де Медичи отправил в Рим на практике осваивать банковские премудрости. Римское отделение не было самым крупным, его опережали головное во Флоренции и венецианское, но было самым доходным.

Козимо отправился в Рим, напутствуемый не только отцом и матерью, но и Никколо Никколи. Тот сокрушался, что из-за военных действий не может позволить себе поехать вместе с учеником, но советовал, что искать, смотреть и с кем познакомиться. Советовали и Бруни с Браччолини, правда, с оговоркой, чтобы он не судил поспешно.

Что они имели в виду, Козимо понял, едва подъехав к Риму.

Глава III

Это Рим?!

Что еще мог воскликнуть молодой человек, наслушавшийся рассказов о величии Вечного города и вдруг обнаруживший, что не только величия, но города-то толком нет?

Жившим в начале первого тысячелетия, как и живущим в начале третьего, трудно, даже невозможно представить, каким был Рим начала пятнадцатого века. Прокатывавшиеся по городу волны завоевателей разоряли его подчистую с незавидной регулярностью. Но не меньше варваров и грабителей разрушали древний город и сами жители, используя остатки зданий в качестве строительного материала.

Зачем везти откуда-то камень, когда его в избытке под ногами? Если не под ногами, а пока еще стоит в виде колонн, то их вполне можно и опрокинуть, никто же не охраняет.

Под ногами было все – обломки мраморных колонн, какой-то битый камень, черепки… но все перемешано с землей, заросло травой, затоптано ногами. Трава пробилась всюду – сквозь гранитные плиты древних мостовых, даже сквозь стены остающихся пока стоять зданий. Вокруг руин Колизея пасли скот, из четырех виадуков, подающих в город воду, действовал только один, а брать ее из Тибра было просто невозможно из-за загаженности реки, всюду разгуливали овцы и козы, а то и коровы, выщипывая пробивающуюся траву, из стен полуразрушенных домов росли целые деревья, окончательно дробя камень своими корнями…

Но жителям словно не было до этого дела. Да и каким жителям? После многолюдства и шума узких флорентийских улиц Козимо неприятно поразила тишина римских. Рим казался пустым. В огромном городе проживало в несколько раз меньше людей, чем во Флоренции. Кто-то погиб во время эпидемии, кто-то – в отражении бесконечных набегов, кто-то – просто в стычках на улицах. Трупы в Тибре стали привычными, римляне невесело шутили, что рыба в реке отвыкла питаться чем-то другим.

От самого Тибра несло такой вонью, что впору нос зажимать. Но и к этому тоже привыкли.

Контора банка Медичи рядом с мостом Святого Ангела, прямо напротив самого замка. Она скромна, как и все у Медичи. Леонардо, к которому Джованни

отправил сына, показал ему отведенную для жизни комнату и посоветовал по вечерам по улицам не ходить, да и днем делать это осторожно.

К ночным вылазкам Козимо и сам не был склонен, а вот днем любую свободную минуту посвящал походам по Риму. Бродил по улицам, вглядываясь в полуразрушенные колонны, чтобы прочитать латинские надписи на них, подолгу стоял, пытаясь представить, как выглядел дом, когда его крыша еще не покрылась настоящими зарослями молодых деревьев, что было на месте тех руин, куда вела вон та лестница, от которой остались лишь обломки гранитных ступеней…

Нередко, глубоко задумавшись, он стоял перед мостом, взирая на круглую махину усыпальницы Аврелия, превращенную в замок Святого Ангела. Тогда Козимо словно попадал в мир, о котором столько наслышан в доме Никколи, вокруг оживала многоголосая римская толпа, звучала латынь, и Рим обретал былой блеск и величие. Разочарование и даже ужас первых дней уступали место восхищению человеческими способностями. Никколи, Браччолини и Брунеллески правы, восхищаясь Древним Римом. Если даже тысячелетние развалины производят столь сильное впечатление на того, кто умеет их разглядеть, то каков же был город во времена своего расцвета!

Его взгляд научился продираться сквозь траву, чтобы увидеть гранитные плиты древней мостовой, отметать молодые деревца и словно дополнять разрушенные части зданий, восстанавливать картины того, что было когда-то.

Однажды его задумчивостью воспользовались воришки – окружили, затолкали, а когда вдруг бросились врассыпную, кошеля на поясе уже не было. Там было всего с десяток дукатов, но после этого ограбления Козимо стал более осторожен.

К вони от Тибра он привык, как и все остальные, хотя поначалу жаловался Леонардо:

– Во Флоренции так воняет только на Понти Веккьо. На этом мосту разрешили торговать мясом, мясники понастроили лавок, а отходы сбрасывают в Арно, и кровь сливают туда же. Скоро к Старому рынку подойти будет невозможно, не только к мосту.

У ювелира, к которому пришел оценить полученные в уплату кредита драгоценные камни, Козимо услышал о Брунеллески. Старый ювелир долго щурил глаза, всматриваясь в драгоценности, потом вернул их почти с сожалением:

– Это очень хорошие камни, юноша. Вы правильно сделали, что приняли их. Если захотите оправить их заново или продать, то приносите, я найду покупателя.

– Благодарю, нет. Пока останутся лежать.

– Вы ведь флорентиец? Медичи из Флоренции. Я слышал это имя от Брунеллески.

– Вы с ним знакомы?

– О да. Он подрабатывал у меня, оправлял камни.

– О том ли мы Брунеллески говорим? Филиппо разве не скульптурой занимался?

– Да, он много чем увлекается. Я знаю, что Брунеллески проиграл какой-то конкурс. Вообще-то он учился ювелирному делу и много преуспел, но у Филиппо есть мечта – подарить Флоренции купол собора. Он рассказывал, что не может смотреть, как столь грандиозное здание стоит незавершенным.

– У него сложный характер, – осторожно напомнил Козимо.

– Сложный?! – буквально завопил Форезе. – Вы говорите – сложный? Да он невыносим! Столько гадостей, сколько от него, я не слышал никогда в жизни. Столько яда, сарказма, недоверия… Он считает всех вокруг ворами и мошенниками, только и живущими, чтобы украсть что-то из его гениальных идей!

Из соседней комнаты даже выглянул подмастерье, Форезе махнул ему рукой:

– Я о Брунеллески!

Тот скрылся, видно, понимал, о ком речь. Козимо уже пожалел, что задел старого ювелира, но Форезе вдруг почти жалостливо вздохнул:

– Но ведь гений! Гений, черт его побери! Потратил все, что получил от продажи своего крошечного имения, чтобы облазить весь Рим с веревкой.

– Какой веревкой?

Они что здесь, все чокнутые, вроде Брунеллески?

– Обмерочной. – Чуть раздраженный непонятливостью Медичи, Форезе ворчливо пояснил: – На длинной веревке завязываются узлы на равном расстоянии…

– Да-да, я понял, – поспешил успокоить его Козимо. – Брунеллески потратил все свои деньги?

– Еще бы! Они с Донато ничего не пропустили, все обмерили и зарисовали. Только вот купол собора Святого Петра не достать. А он ему так нужен… А на Пантеон лазил и даже кирпич из купола вытащил. Это я вам по секрету…

– Чтобы придумать, как создать флорентийский?

– Наверное. Запомните одно, юноша: этот человек гений. И плохо, что он вынужден заниматься не своим делом, подрабатывая на жизнь. Если бы этой заботой было меньше, сколько бы Брунеллески смог создать!

– Он действительно гениален?

– Конечно, – устало вздохнул Форезе. – Если человек готов голодать и спать на сырой земле, только чтобы делать любимое дело, он не может не быть гением. Тот, для кого его дело самое главное, всегда добьется самого большого. А дурной нрав… что ж, если необходимость выносить дурной характер гения – это плата за само существование с ним рядом, то, поверьте, это не такая уж высокая плата. О золоте я уж не говорю, оно ничтожно по сравнению с тем, что могут создать такие, как Филиппо, люди.

Эта неожиданная и такая серьезная беседа со старым ювелиром повлияла на Козимо не намного меньше, чем все разговоры в доме Никколи. Он вспоминал самого Никколо и понимал, что Форезе прав. Кто из талантов, собиравшихся в доме Никколи, не странен? Но все они увлечены своим делом настолько, что можно простить и странности. Конечно, странности и невыносимый нрав – вовсе не признак таланта, но терпеть их – действительно не такая уж большая плата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/natalya-pavlischeva/chernaya-bashnya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити